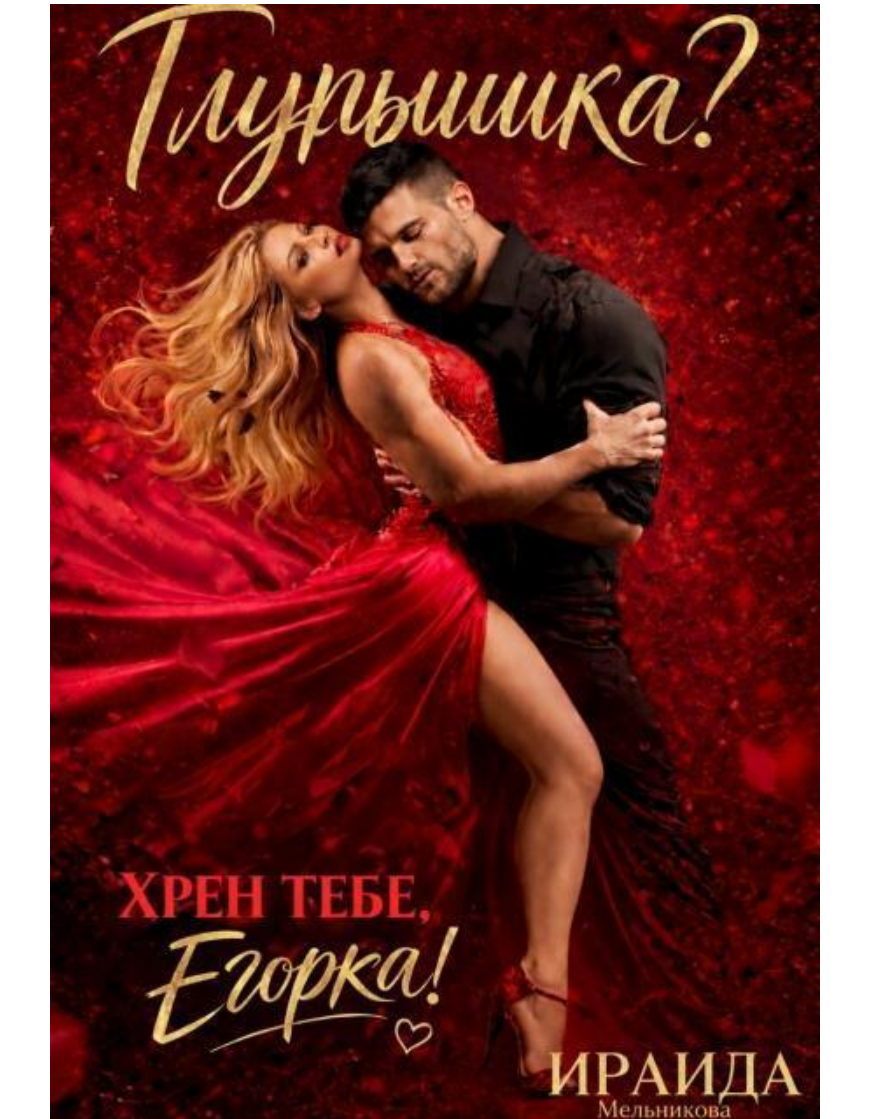

A romantic couple is shown in a close embrace. The woman, with long blonde hair, is wearing a vibrant red, sequined, sleeveless dress with a high slit. The man, with dark hair and a beard, is wearing a black button-down shirt. They are positioned in the center of the frame, with the woman leaning back slightly. The background is a deep red, textured surface covered with numerous small, glowing red hearts. The overall mood is romantic and passionate.

Гурьшика?

ХРЕН ТЕБЕ,
Егорка!

ИРАИДА
Мельникова

Ираида Мельникова

Глупышка? Хрен тебе, Егорка!

<https://litres.ru/74494152>

Аннотация

Любовные страсти - сексо-мордасти в стиле Аргентинского танго. - Ну что, рада? Это ж какой надо иметь охрененный талант, предлагая свои прелести англикашке, чтобы тот вдруг решил меня убить? Представляю, как ты старательно пыталась его ублажить. Что ж, опытная девочка, ничего не скажешь. Типа, преподнесла старичку Чарльзу своё молоденькое тело на блюдечке с голубой каёмочкой? Прямо стопроцентово уверен, как он очешуительно был рад и неописуемо счастлив! Что ж, я оценил. Ну как? Теперь ты довольна? Типа, конкурентки больше нет? Типа, я буду весь твой? И Чарльз тоже, походу, весь твой? А тебе не многовато ли сразу столько мужиков? Любая проститутка...

«Любовь – это разочарование и боль. С этого момента я никогда и никого не хочу любить». Все, Егор, достаточно. На этом все.

Это продолжение. Начало истории: **ГЛУПЫШКА. КАМАСУТРА ДЛЯ ПЛОХОЙ ДЕВОЧКИ.**

История соперников в любви наших ГГ (Чарльз и Наташа) **ЖГУЧАЯ СТЕРВА:**

Приготовьтесь к ЖАРКОЙ ЛЮБВИ и ИСКРОМЕТНОМУ
ЮМОРУ!

БУКТРЕЙЛЕР УЛЕТНЫЙ! ЖАРКОЕ ТАНГО!

Прода ПН, СР, ПТ в 00.00 по МСК.

Не забывайте ставить звездочки, отложить книгу в библиотеку
и писать комменты, оставляя надежду автору быть с вами на
одной волне.

Люблю вас, пишу только для вас.

Ваш автор.

Содержание

глава 1	5
глава 2	15
глава 3	23
глава 4	34
глава 5	46
глава 6	55
глава 7	62
глава 8	69
глава 9	81
глава 10	89
глава 11	109
глава 12	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

глава 1

Юленька.

- Ну что, рада? Это ж какой надо иметь охуенный талант, предлагая свои прелести англичашке, чтобы тот вдруг решил меня убить? Представляю, как ты старательно пыталась его ублажить. Что ж, опытная девочка, ничего не скажешь. Сегодня довелось понаблюдать, какой ты, пиздец, стала опытной. Типа, сделала ему подарочек? Преподнесла старичку Чарльзу своё молоденькое тело на блюдечке с голубой каёмочкой? Прямо стопроцентово уверен, как он охренительно был рад и неописуемо счастлив! Что ж, я оценил твои поразительные, уникальные способности жрицы любви.

Он повернулся, вперился в меня взглядом и взмахнул рукой в сторону тела бездыханной, окровавленной Наташи, настоятельно предлагая оценить живописную картину:

- Ну как? Теперь ты довольна? Типа, конкурентки больше нет? Типа, я буду весь твой? И Чарльз тоже, походу, весь твой? А тебе не многовато ли сразу столько мужиков? Любая проститутка...

Сегодня я узнала, что такое Ад.

Мрачное жгучее пекло, где ты вдруг ни с того ни с сего становишься главным действующим лицом.

Вообще не ожидала, что все, что произойдёт на крыше замка, вдруг ударит по мне, точно стальным хлыстом, оставляя в душе и на сердце глубокие кровоточащие раны. Хотя каким боком я ко всему этому имею отношение, так и не поняла.

Помню, как Чарльз устроил маскарад.

Как в его спальне я скинула с себя ненавистный костюм Женщины-Кошки, чтобы он увидел, что я - не Наташа, и оставил меня, наконец, в покое.

Как он подхватил меня на руки, а я отказала ему в близости, прошептав: «Нет, Чарльз, я не могу!»

Как именно в этот момент, ни раньше ни позже, в спальню вошли Егор и Наташа и увидели меня голую на руках у Чарльза.

Недвусмысленная ситуация, чего уж говорить.

Чарльз выпустил меня из своих объятий, и я ушла в ванную комнату, чтобы одеться. А когда вышла, никого из них в спальне уже не было. Наверное, они ушли?

А потом...

По коридорам забегали люди. Я не знала, не понимала, что происходит. Но сердце...

Так крепко защемило, заныло, что от боли я практически перестала дышать. Глубоко в груди будто разлилось огненное марево, побежало по венам, заполняя тело моё ужасом, муторным тяжёлым чувством паники, когда захотелось набрать в лёгкие побольше воздуха и завизжать так громко и

пронзительно, чтобы у всех присутствующих вдруг полопались перепонки.

Завизжать, закричать, заорать, выплёскивая из себя жуть и морок, что мешают дышать, сжимая стальной дланью моё горло и перекрывая кислород.

Непросто так забегали по коридорам и лестницам люди.

Что-то случилось.

Что-то произошло там, куда сейчас все они торопятся, бегут, спешат.

Чтобы помочь кому-то! Да! Только в этом случае начинается паника и беготня! Когда кто-то оказался на грани жизни и смерти!

Мне очень страшно, но я сама должна все увидеть и узнать. А потом умереть, если с ним что-то случилось.

Рванула за людьми, что куда-то торопились, бежала и молилась про себя: «Пожалуйста, Господи, не допусти, чтобы с Егором что-то случилось. Прошу, прошу, пожалуйста. Только не с ним! Я же не смогу без него жить. Я же умру без него! Умру!»

Бежала и бежала, стараясь не потерять из виду спешащих куда-то людей. Я не стала никого из них о чем-то спрашивать. Чувствовала, что мне тоже надо туда же, куда все они мчатся, как угорелые.

Коридоры, лестницы, двери, снова коридоры. Наконец, бесконечно длящаяся вверх лестница и дверь. Дрожащей рукой распахнула её и вышла на крышу замка.

А там... толпа людей. А среди толпы...

Егор, мой Егор весь в крови. Он склонился над Наташей, будто наседка, что защищает своего птенца. С совершенно безумными глазами и мертвенно бледным лицом, он нервничал, хаотично двигался, то опускался около неё на колени, то, вскакивал, принимаясь ходить туда и обратно, точно часовой на посту.

Чарльз казался совершенно спокойным, стоял поодаль, возвышаясь над всеми, будто каменное изваяние. Черты лица заострились, желваки задвигались, превратив его в страшного монстра-хищника, готового любого разорвать на мелкие кусочки, кто встанет у него на пути. Он был таким угрюмым, суровым и мрачным, что все вокруг опасались потревожить его и подойти, не осмеливаясь спросить о чем-то, или что-то сказать. Так он и стоял в гордом одиночестве, молча наблюдая за тем, что творилось вокруг неподвижного Наташкиного тела.

А она лежала в луже собственной крови такая спокойная, бездыханная и мертвенно бледная. Около неё сновали люди, перевязывая рану и осторожно перекладывая тело на носилки, чтобы отправить её в госпиталь. А она...

Глаза её были открыты. Казалось, она смотрела куда-то вверх, в небо, совершенно не обращая внимания на людей, что занимались ею, пытаясь вытащить с того света.

Жива ли она была? Не знаю. Я не думала об этом, потому что... застыла, наблюдая за моим Егором, не смея даже ды-

шать. Сейчас я пожелала бы умереть, чтобы не видеть и не понимать горя, что его постигло. Чтобы не чувствовать его невыразимого ужаса, паники, боязни потерять самого дорогого на свете человека – Наташу.

Егор гладил её лицо, целовал руки и кричал.

Кричал, кричал, кричал так пронзительно, что воздух, напавший на его отчаянием, зазвенел от надрывного воющего голоса. А я, ощутив толчки за грудиной, лупившие по рёбрам, с острой щемящей болью ощутила, что сердце моё вмиг разорвалось на тысячу осколков от вида его искреннего горя, вселенского несчастья, что он сейчас переживал, выкрикивая её имя, неистово нашёптывая, воя, выплёскивая беду, чёрную напасть, что вцепилась острыми когтями в его душу при виде умирающей на его глазах любимой женщины:

- Наташенька, милая моя. Очнись, не умирай, девочка моя. Прошу тебя. Тебе нельзя умирать. Милая. Подумай об отце, обо мне. Как мы будем без тебя? Не смей, Наташка! Слышишь меня? Не смей!

Он тянул к ней руки, тряс её безвольное тело, целовал безжизненное лицо, прижимая к своей груди её голову, с надеждой заглядывая ей в глаза, мучительно ожидая от неё ответа.

Но она смотрела в одну точку и молчала.

А я в этот миг будто замерзла. Заледенела.

Застыла, превратившись в ледяную глыбу, закрылась от мира в непроницаемую оболочку, состоящую сплошь из моего личного горя.

Я вдруг отчетливо поняла, что потеряла свою любовь.

Что мой любимый Егор не принадлежит мне, и любит во-
все не меня.

Что у моего возлюбленного, оказывается, есть любимая.
И это точно не я.

Так вот кого на самом деле он боготворит!

НАТАШУ!

Пока наблюдала за ним, плаваясь в потоках лавы внутри себя от осознания рухнувшей моей мечты, счастья, что прошло мимо меня, так и не позволив вкусить его сладость, вдруг почувствовала, что самое главное, что уничтожит меня, ещё впереди. Вот-вот и я погибну, потому что...

Егор увидел меня и впился мне в лицо... ненавидящим взглядом, практически испепелил меня на месте.

Ох! А сейчас ещё что-то произойдёт. Да, вот сейчас. Когда он откроет рот и выплеснет мне в лицо ядовитые слова, что отравят меня и добьют до конца, до самой моей смерти.

- Пришла? Ты одета? Соизволила, всё-таки, прикрыться?

Я даже не поверила вначале, что он обращается ко мне.

Его голос звучал так издевательски, с таким презрением!
Я просто не понимала, как реагировать, где найти силы, чтобы выслушать его обидные, несправедливые слова.

Он вскочил с колен и подлетел ко мне с перекошенным от злобы лицом. Я не могла отвести глаз от его губ. Сейчас это были два твёрдых жгута, скривившихся в презрительной усмешке. Мне казалось, он хлестал и хлестал меня по лицу

этими самыми губами – жгутами, будто плёткой лупил злобными оскорблениями:

- Ну что, рада? Это ж какой надо иметь охуенный талант, предлагая свои прелести англикашке, чтобы тот вдруг решил меня убить? Представляю, как ты старательно пыталась его ублажить. Что ж, опытная девочка, ничего не скажешь. Сегодня довелось понаблюдать, какой ты, пиздец, стала опытной. Типа, сделала ему подарочек? Преподнесла старичку Чарльзу своё молоденькое тело на блюдечке с голубой каёмочкой? Прямо стопроцентово уверен, как он охренительно был рад и неописуемо счастлив! Что ж, я оценил твои поразительные, уникальные способности жрицы любви.

Он вперился в меня взглядом и взмахнул рукой в сторону тела бездыханной, окровавленной Наташи, настоятельно предлагая оценить живописную картину:

- Ну как? Теперь ты довольна? Типа, конкурентки больше нет? Типа, я буду весь твой? И Чарльз тоже, походу, весь твой? А тебе не многовато ли сразу столько мужиков? Любая проститутка...

- Остановись, Егор!

Чарльз вдруг ожил. Гранитное изваяние, вероятно, решило вмешаться и защитить меня.

Хотя, это так глупо и смешно! От кого и от чего защитить? От оскорблений человека, которого я люблю?

- Прекрати, не трогай ее!

- Ох, фу ты, ну ты! Какой защитник объявился. Погля-

ди ж ты, смелый какой! Прямо донжуан гребаный! Понимаю. Сладкое тело молодое не даёт тебе покоя. Мне похер, как она тебя там охмурила! Ты сначала ответь за Наташку!

- Отвечу, не переживай. Только не перед тобой.

Словно безжизненный, оторвавшийся от ветки дерева листочек, я стояла, покачиваясь в такт порывам стремительно-го ветра, особенно неистового здесь, на крыше. Я мысленно желала, чтобы ветер подхватил меня и сбросил в бездну, что разверзлась своим зевом у подножия злополучного замка.

Я больше ничего не хотела в этой жизни.

Мне больше ничего не было интересно.

Я больше не чувствовала иных желаний, кроме как сгинуть, исчезнуть, чтобы больше не слышать в свой адрес горьких, обидных, несправедливых слов любимого моего мужчины.

Боже! Егор все это сказал мне? Все эти оскорбительные слова предназначались мне? Это меня он сейчас назвал грязной потаскухой?

За что?

Я хотела закричать, даже ударить его по лицу так больно, насколько хватило бы моих сил. Но оказалось, что я не могу говорить. Вместо слов – бульканье и хрипы. Мой голос вдруг пропал, испарился, а я превратилась в немое безголосое существо, неспособное произнести ни одного слова в свою защиту.

Обидно! Как же обидно! Горько так, что не могу дышать,

задыхаюсь. Воздуха не хватает. Больно так, что не могу пошевелить рукой.

Ко мне пришло несчастье. Несчастье по имени Егор.

Оно принесло мне холод, ледяную стужу.

Господи, я так замёрзла! Меня теперь невозможно согреть. Любовь, что переполняла меня, делала меня счастливой, давала надежду на будущее рядом с моим любимым, вдруг превратилась внутри меня в льдинки. Острые, жгучие, холодные.

Как в сказке. Льдинка попала в сердце, и я помертвела, превратившись в бесчувственный кусок льда.

Я больше не хотела здесь находиться.

В последний раз я посмотрела на мужчину, любовь к которому с некоторых пор доставляла мне только боль, чтобы накрепко запомнить этот момент.

Запомнить и никогда не подпускать к себе этого человека ближе, чем на пушечный выстрел.

Чтобы больше никогда не позволять делать мне больно.

И не забывать главное. То, что я поняла и для себя уяснила:

«Любовь – это разочарование и боль. С этого момента я никогда и никого не хочу любить».

Я промолчала, не считая нужным отвечать ему на все те унижения и оскорбления, что он вылил на меня, точно ушат помоев.

Повернулась и ушла с этой их гребаной крыши.

Спустилась в холл, вызвала такси и отправилась в аэропорт.

Все, Егор, достаточно. На этом все.

глава 2

Я снова объебался.

Если вы спросите меня, что, мол, я нахеролесил и как буду дальше жить?

Типа, без нее? Без её любви, нежности и ласки?

Да нормально буду жить! Лишний раз убедился, что все бабы...

В общем, им нельзя верить.

Я лучше снова буду трахать все, что шевелится. А в душу к себе и сердце подпускать никого не стану. Это легче, чем потом надеть на свою башку охуенно огромные рога.

Если спросите, чего ж не поговорил с ней? Не выяснил подробностей?

Да с хуя ли?

Бабы никогда с мужиками не разговаривают. Мы же для них, типа, козлины с яйцами о двух ногах.

Уроды и скоты, и кто-то там ещё...

Ах, да, ещё - твари, то есть, я – тварь. Сейчас для неё я – тварь.

Так и слышу её мысли:

«Ему что, так трудно было засунуть в задницу свой поганный язык, прежде чем вякать в сторону женщины, не разобравшись, нахуй, что к чему? В сторону любимой женщины! Прежде чем орать, сука, гавкать на неё, разве нельзя было

сначала спросить? Он что, облез бы лишний раз, или, блять, у него хрен бы отломился? Почему он не закрыл свой поганый рот и не прикинулся ветошью, пока не узнал всю правду, как на самом деле все было, прежде чем косо смотреть в её сторону?»

Ещё раз повторю.

С хуя ли? Я видел ее голую у него на руках. Значит, она с ним спала. И теперь мне похуй, что с ней вообще будет происходить. Она для меня – пройденный этап. Скажем так, женщина, не оправдавшая моих надежд.

Она ведь там, на крыше, даже не сказала ничего, повернулась и ушла. Тем самым, послала меня нахуй. И что я должен? Бежать что ли за ней?

Похуй! Пусть считает меня эгоистичным долбоящером! Это ее право.

А я теперь совершенно свободен в своих предпочтениях.

Все. Достаточно. Поигрался, и будет. Больше никакой любви!

Когда вернулся в Россию, приехал в офис и узнал, что она уволилась.

Естественно. Мы же – козел! Неужели она останется работать на такого козла, как я?

Проверил квартиру, но внизу у консьержа нашёл оставленные ею ключи.

И опять ничего удивительного. Не хочет она быть мне должна. Скатертью дорога!

Узнал, кстати, в универе, что она перешла на заочную форму обучения и уехала работать куда-то за границу. Теперь она будет появляться на учёбе только два раза в год в зимнюю и летнюю сессии.

Что ж, большому кораблю – большое плавание!

А теперь надо забыть об этом эпизоде в моей жизни.

Ничего, немножко поболит, пощемит, поколет где-то там, в районе сердца, где живёт душа. А потом все равно пройдёт. Все забудется.

Сделаю вид, что она никогда не врезалась в мой бампер и я никогда с ней не встречался.

Начну все сначала.

И теперь буду смотреть в оба, чтобы не получилось так, как всегда.

Такие вот дела.

А сейчас визуалы, девочки!

ЕГОРКА

Друзья, не забывайте ставить звездочку в карточке книги, отложить книгу в библиотеку и написать коммент. Вашему автору будет очень приятно, когда рейтинг книги взлетит.

глава 3

Спустя 3 года.

Егор.

- Так вот, друзья. Сегодня всем составом вылетаем на корпоратив. Все же, юбилей - 30 лет нашей фирме, считаю, очень значимое событие. Хотя я руковожу вами только 10 лет из 30-ти, заменив отца на руководящем посту, но, полагаю, имею право на кусочек славы как успешный владелец Холдинга, что приумножил богатство и процветание нашей организации. Не правда ли?

Всё-таки, обожаю такие вот праздничные совещания, когда все присутствующие не ждут от меня пиздюлей, когда я улыбаюсь и обещаю отдых, премии и благодарности за отличную работу. Даже самому приятно.

- Значит так, самолёт сегодня в 21.00. Надеюсь, все придут в аэропорт вовремя. Всё, все свободны. До вечера.

Та-а-а-ак, а теперь надо решить, кого из девок взять с собой. Всех нельзя, а то ведь передерутся друг с другом, лохмы повыдирают, праздник испортят.

Если Софочку, новую секретутку...

Не, под Сочинский статус она не тянет. Тем более, минет

под столом мне там не нужен.

А если Анжелку из планового...

Не, у неё вкуса нет. Вечно одевается, как лахудра. Только трахаться с ней клево. Но для ресторана «Роза Хутор» её шмотки - моветон.

Лизоньку, может...

Она как раз обиделась, что я снова и снова, несмотря на охеренный трах, не зову её замуж. Блять, облезет. Она и все остальные бабы на этой планете никогда не будут существовать для меня в другом статусе, нежели «телки для траходрома». Как начала пиздеть тут как-то, что хочет подарить мне ребёнка. Дура. Я аж подхуел от такой глупости. Ребенка!

Мать меня тоже гложет. Прямо догрызает. Все простить мне не может Юльку. Ох, знали бы они, мои родители... Я просто рассказывать им не стал, как она голышом у Чарльзика на руках обжималась. До сих пор картина маслом перед глазами.

ТЬфу, опять вспомнил. Зарекался же!

Так, не буду отвлекаться.

Изабелла из финансового...

Ничего так, фигуристая, с буферами. Бля, только на днях её трахал. Ещё подумает, что я её замуж хочу позвать, если в Сочи возьму. Не-е-е, нахуй.

А может вообще никого не звать?

Точно! Вот как получится, так и получится. Там ведь ещё кто-нибудь будет, в этом огромном ресторане. Понравится

мне какая-нибудь деваха, ту и в номер к себе приглашу.

Снова тот же номер, президентский. Как тогда...

Бля, какого хера я снова тот же номер забронировал? Ответ простой. Потому что он лучший. Вот такая хрень.

Что ж, буду вспоминать, как мы тогда с Юлькой... Как она ко мне пришла в комнату, вся такая юная, дрожащая, нежная. Доверила мне все самое дорогое, что у неё было. А я схватил, не задумываясь. Так её захотел, так для меня важно было, что её никто никогда до меня не трогал. Что я её первый и единственный мужчина.

Сука! Как же больно об этом вспоминать!

Я же думал тогда, что она моя. Моя навсегда. И не надо было мне никого больше, кроме неё. Почему же она так поступила? Почему выбрала Чарльза и отдалась ему? Так усердно хранила мне верность, что прыгнула в его постель?

Все. Пройденный этап. Не буду больше об этом думать. И номер надо поменять на другой. Блять, точно не смогу там находиться, особенно в той же спальне.

И баб никаких не хочу с собой брать. Пошли все нахер. Только настроение себе испортил. Вспомнил на свою голову. Теперь надо будет что-то делать со стояком. Вот это ж надо! Долбоебизм какой-то! Как о ней вспомню, так стояк одолевает. И пока пар не выпущу, так и мучаюсь. Чуть ли не дырку просверлил своим членом во всех штанах, брюках, шортах, и во всем остальном, что я ношу, не говоря уже о трусах.

И снится мне она все эти годы почти каждую ночь. Осо-

бенно когда набухаюсь.

Вот смешно же!

Бухаю, чтобы её забыть, а она мне наоборот снится, мучает меня каждую ночь, смотрит на меня так, будто это я предатель, а не она.

Но ведь это она меня предала! Отдалась другому! И кому! Чарльзу! Его ведь Наташка так любила, чуть с ума не сошла. Как в воду глядела, что Чарльзик молодухой увлечётся. Так и получилось.

А я-то ведь наивно полагал, что Юлька тоже меня любит. Даже смешно.

Где женщины, и где их верность?! Далёкие друг от друга галактики!

Не, всё-таки, правильно я сделал, что отдал тот самый президентский номер директору по маркетингу. У него ни с чем этот номер не связан. Пусть там с половиной своего отдела обитает. Как раз они все там и разместились. А я в другом останавлиюсь, в премиальном. Надеюсь, он ничем тот номер не напоминает, а то член придётся в трубочку закручивать, чтобы тот не стоял и не портил мой презентабельный вид. А то мне как-никак ещё с людьми общаться придётся.

На этот же корпоратив заодно наши коллеги приедут из Турции, Азии и Европы. Наш Османчик дорогой прикатит. Сто лет с ним не виделись. Кстати, он тоже тогда в Сочи при-

езжал, все пытался Юльку у меня отбить. Только вот никому она не досталась. Интересно, женился он или нет? Тоже ведь по Юлке сох. Ну не прям так, как я, но заморачивался на её счёт. Нравилась уж больно ему. Получается, она много кому нравилась.

Интересно, и где она теперь? Саныч предложил мне инфу. Он, типа, в курсе, где она сейчас. Но я отказался. Нехер делать! Умерла, так умерла! Хотя...

Она, наверное, замуж вышла. Я бы не удивился, если бы и так.

Блять, ну что за хуйня? Снова защемило, заныло в районе сердца. Там, где живут осколки моей израненной души.

Всей ебетиной, то бишь огромным коллективом избранных и обласканных мной сотрудников Холдинга мы прибыли в гостиницу, распределились по номерам и отправились прямиком по кроваткам досыпать остаток ночи.

Нам предстояло три насыщенных активных корпоративных дня, поэтому всем нам надо было отдохнуть с дороги и подготовиться.

Служащий отеля меня с чемоданом проводил в номер, открыл магнитным ключом дверь.

Я вошёл и...

Ебать ту Люсю!!!

Ну и чем, сука, этот номер отличается от Президентского?

Ну точно такой же!

Я аж рот раскрыл от удивления. Чуть ли не глаза протёр, не померещилось ли?

Парень, что меня провожал, даже спросил:

- Все нормально? Вы хорошо себя чувствуете?

- Да, - только лишь и смог проблеять, на большее не хватило ни сил, ни эмоций. Бля, прям сердце в желудок упало.

Номер такой же, как две капли воды похожий на тот, из прошлой жизни. Так бы, сука, и назвали его «Президентский №2». Чего ж выёживаться-то?

- Э-э-э, а почему он называется «Премиальный»?

- Потому что похож на «Президентский», - парень был невозмутим и спокоен, а мне отчаянно захотелось зарядить ему в табло.

Ну все. Етить, колотить! Стояк мне обеспечен. Зря я не взял с собой какую-нибудь бабищу. Хоть отсосала бы мне. А теперь, боюсь, с Дунькой Кулаковой придётся общаться весь остаток ночи. Сука!

Вслед за парнишкой стал обходить комнаты, осматривать. Сто процентов отзеркаленный Президентский номер.

Ладно. Выход один. Позвать к себе как можно больше людей. Пусть живут здесь, со мной. Все веселее. О! Службу безопасности позову!

Дрожащей рукой схватил мобилу.

- Саныч. Вы ещё не устроились? Пусть вас ко мне в номер определяют. Тут комнат дохерища. На вас всех хватит... Что?

Нет, ничего не боюсь. Просто мне скучно будет. Я - один, а комнат много. Что? Саныч, бля, нихуя это не детский лепет. Не заставляй меня тебе грубить, ты мне в отцы годишься. Ща разозлюсь, и отпизжю кого-нибудь, вдарю в табло, а ты потом будешь разбираться. Что? Бля, ладно, это - аргумент. Окей. Я отъебался. Как скажешь. Прям, бля, веревки из меня вьешь! Спокойной ночи.

Отключился и запустил мобилой о стену так, что та разлетелась на запчасти.

Какая тут, сука, спокойная ночь?! Она теперь только в гробу у меня будет.

Уселся на диван, уперся в виски кулаками, зажав между ними голову.

Даже не понял, что стучат в дверь.

Узнал, что в номере я уже не один, только когда услышал:

- Андреич, ну ты че? Что за нервяк?

Бля, такое облегчение почувствовал, что аж чуть язык не высунул, точно щенок, получивший косточку.

- Саныч, хорошо, что ты зашёл. Мне прям херово.

Он внимательно на меня посмотрел, с прищуром так, поцокал языком и вытащил бутылку конины из-за пазухи.

- Ну че, я тут подумал, что тебе не помешает обмыть перелёт?

О-о-о, у меня аж сразу в горле пересохло. Глотка моментально отреагировала и сигнализировала о потребности влить в неё бухло.

- Саныч, бля, за что я тебя уважаю!

Ну мы с ним и накатили.

Бутылк конины, затем откуда-то взялась бутылка вискаря, ну а потом водочкой загладили.

Походу, я развлекался бухлом практически в одно рыло, потому что не помню, как свалился, и не знаю, кто уложил меня баиньки тут же, на диване.

Ну, наверное, Саныч. Мой дорогой друг и защитник.

Ладно, потом спрошу.

А пока – спать.

Только, Юленька, пожалуйста, не надо мне сниться. Прощу тебя. Не мучай ни меня, ни себя.

Захрапел.

И приснился мне сон.

Юлька, такая красивая, прекрасная, в охеренном красном платье, посмотрела на меня хмуро так, недоброжелательно, ухмыльнулась вредненько и промурлыкала:

«А с чего ты взял, что я мучаюсь? Хренушки тебе, Егорушка! Не дождёшься!»

Проснулся я в холодном поту и с неизменным, сука, сто-яком.

Етить, колотить! Да, и еще. Ебать ту Люсю!

глава 4

Егор.

Что ж, я выспался, практически весь сон видел Юльку, будь она неладна.

Пропустил дневные корпоративные развлечения и созрел, то есть, из «набухавшейся свиньи» вновь вернулся в нормальное человеческое состояние только к вечеру, когда надо было собираться и идти в ресторан.

Ох, планировалась офигенная программа. Я сам выбирал всю развлекуху, вплоть до артистов, которые будут перед нами выступать.

Знаю не понаслышке, что начальницы планового и финансового отделов, да и другие женщины-сотрудницы, очень любят танцы. Даже вечером после работы они посещают какой-то танцевальный супер-пуперный клуб, типа «Танцы со звёздами» (вроде по телику программа такая была, секретутка все уши прожужжала), где занимаются индивидуально с офигенно талантливым тренером. Ну я и заказал им на сегодня мастер-класс с каким-то там охеренно дорогущим тренером-танцором из Аргентины. Будет показывать девчулям, как надо правильно танцевать аргентинское танго.

Надеюсь, им понравится. Честно, мне было очень приятно позаботиться о своих сотрудницах, тем более, о таких талантливых и способных. Прямо по всем вопросам могу на них положиться. Побольше бы таких спецов в мой Холдинг. и как не отблагодарить их за усердную работу? Уж я и расстарался!

Принял душ, привёл себя в порядок.

Не стал созваниваться со своими партнёрами, что должны были приехать сюда же, на корпоратив. Все равно увидимся в ресторане, так чего зазря языками чесать.

Посмотрел на себя в зеркало.

Да, неплохо. Выгляжу отлично, точно новенький пенс. Даже не заметно по моей харизме, что ночью я конкретно бухал. Вот, что значит, подготовленный закалённый организм.

Осталось дело за малым: подцепить какую-нибудь покладистую гетерочку, и ага. А то снова стояк замучил. Ну, это и понятно! Юлия Батьковна снилась.

Бля, вот это уже не смешно. Надо чё-то с этим делать. Пора уже её забыть, как страшный сон. А она, сука, не забывается. Ну, никак!

Значит, надо столько баб выебать, чтобы память о ней, как отрезало. И чтобы не снилась больше!

Эврика! Надо в этом же номере, который, сука, похож на тот, из воспоминаний, устроить групповушку. Думаю, что смогу себе это устроить. Вот там, в ресторане, и подцеплю каких-нибудь две-три-четыре шлюшки, готовых на оргию. Они все одинаковы. И все готовы ноги раздвинуть, особенно за бабло, только свистни.

Ну, кроме моей мамы, конечно. Она – эталон.

Бля, народищу в ресторане, как на рынке. Даже не верит-

ся, что все это я замутил.

Деловые и улыбчивые лица, рабочие разговоры, интимные беседы, фуршетное общение тет-а-тет.

Поползновения гетер в мою сторону. Причём, конкретно ослепительных гетер.

У таких все на мази. Супер профессионально. А я, помнится, люблю все профессиональное.

Надо приглядеться к ним, выбрать особенно сексуальных и красивых.

Это ж надо, точно корову на рынке выбираю. О, времена, о, нравы! Полный пиздец!

Ладно, это на потом, опосля.

А сейчас началось шоу. Надо занять своё место за столиком, посмотреть на артистов, что влетели мне в немалую копеечку, и, наконец, глянуть на пресловутого аргентинца. Он - самый дорогой в этой когорте паяцев. Вот и гляну, как он бабосы отработает, что я ему отбашлял. Если мои девчонки будут скучать, я ему вдарю в табло и отберу бабки.

Уселся за столик вместе с тремя моими замами. Специально попросил, чтобы за моим столом не было баб. Мне и так их по горло хватает, буду смотреть на них издалека. Тем более, пожрать надо хоть разок за сутки, а то я только бухал, кусок в горло не лез. А тут все так вкусно накрыто! Спасибо шеф-повару.

Пока распробовал все блюда, закуски, накатили на четверых с мужиками, я хоть немного расслабился. Все вроде хо-

рошо идёт, занятно, всем весело и все нравится.

Не стал напрягать моих зарубежных партнёров. Все равно завтра на совещании увидимся. С ними запланирован выход в море на яхте, вот и будет время перетереть по всем животрепещущим вопросам. Там как раз никого лишних и посторонних не предвидится.

А сегодня - развлекаться. Тем более, на танцпол вышел аргентяшка.

Надо посмотреть, что за фрукт.

Вот надо же, сука! Чем дальше смотрел, тем больше расстраивался, что я не могу так на танцполе сбачать, как он. Он собрал посередине танцевального зала всех наших бабёнок, выпендривался перед ними, точно танцевальный гуру, а они тарасились на него и все, сука, текли от восхищения его талантами и способностями. С открытым ртом на него смотрели и повторяли за ним движения.

А потом...

Потом начался кринж!!!

Аргентинец поблагодарил всех девушек за старания и объявил на своём языке какую-то речь. А потом откуда-то по микрофону его речь перевели. Какой-то женский голос. Бля, так похож на чей-то знакомый... Не могу уловить, на чей именно, но я его слышал много раз...:

- Дорогие мои друзья. А теперь я хочу вам представить мою талантливую ученицу. Я узнал, что сегодня она здесь, среди вас, так как является сотрудницей одной из зарубежных-

ных фирм. Там мы и встретились. Друзья. Я был очарован. Уверен, что и вы влюбитесь в её танцевальный талант с первого взгляда.

Он прошёл через весь танцпол к одному из столиков и протянул кому-то руку.

На его ладонь легла изящная рука женщины в умопомрачительно охренительном красном платье.

Тонкая, изящная, с изумительным изгибом бёдер, высокой грудью, в которую хочется зарыться, утонуть с головой, с длинными стройными ножками, что охереть как хочется закинуть себе на плечи. Вспорхнув со стула, она направилась вслед за аргентинцем на середину танцпола.

Я ещё пока не видел её лица. Она и сидела, и шла, и стояла ко мне спиной.

Пока разглядывал её фигуру, почувствовал, как задрожали мои руки, тело предательски ушло в штопор и завибрировало ебучим тремором. Смутно она мне напоминала...кого-то. Но кого?

Я отметал от себя все мысли, которые орали, трубили, нащёптывали мне, что я её знаю. Но это не может быть она. Только не здесь, только не сейчас. Вот сейчас она повернёт голову, и я пойму, что зря испугался.

А что, я испугался, что ли? Нихуя себе!

Пара встала в позицию, полилась ритмичная танцевальная мелодия в ритме танго. Они начали двигаться по паркету. Вот-вот она повернётся ко мне лицом, и я увижу, что это

не она.

Ну давай же, поворачивайся.

Пара пошла по кругу, прошелестев очень близко со столиками с гостями. Меня окутало шлейфом адреналина и возбуждения, и в рецепторы впечатался знакомый аромат парфюма... Мать ее...

Я уже знал, кого увижу. Мое тело среагировало раньше, чем мозг.

Сердце ухнуло куда-то вниз и начало долбать по стенкам желудка, горло перехватило точно крепкой удавкой, голова закружилась от охеренного недостатка кислорода в сосудах мозга, потому что я вдруг перестал дышать.

Они развернулись, и я увидел её глаза.

Глаза цвета неба.

Этот взгляд я не забуду никогда, даже если буду умирать.

В последний раз, когда я в них смотрел, они были густо-синими, печальными и потерянными, и глядели на меня укоризненно.

Да, это была она.

Прекрасная, красивая, утонченная, великолепная, любимая.

Изменница и предательница.

Юленька.

Никогда раньше за всю свою сознательную жизнь я пока ещё не чувствовал, не ощущал, не знал, что какой-то там та-нец сможет меня так заморозить.

Они танцевали так... чувственно, переживая во время исполнения танцевальных движений страстные эмоции, которые передались нам, зрителям.

Я внимательно следил за его руками.

Он, сука, выполнял с ней такие поддержки, что у меня аж сердце каждый раз подпрыгивало от бешенства и ревности. Мало того, в полнейшей ахерной тишине я постоянно слышал со всех сторон ахи-вздохи, слова восхищения, типа, «как прекрасно они танцуют», «восхитительно», «фердипердозно», «охуенно», «какая она красавица, кто это такая?», «какая она гибкая, какая талантливая».

Сука, сука, сука!!!

Его рука! Его, сука, рука!

Одной, ладно, он держал ее за руку, но другая...

То крепко держала ее за талию,
то гладила по спинке,
то скользила по бедру, невзначай приподнимая юбку,
то крепко обхватила её за ножку где-то ниже задницы,
и вдруг, падла, закинула её на бедро своего хозяина - аргентинца, а потом коснулась Юлькиной груди и шеи, заставляя её выгнуть спинку, наклониться назад и чуть ли не коснуться головой паркета.

Падла – рука! Сука, отрублю его похотливые ручонки, как только вдарю ему в табло!

Поди ж ты, получается, это самое танго – официальная халява, чтобы щупать баб? Нихерашеньки себе!

Пока размышлял и мозгокрутствовал, танец закончился. Аргентяшка и Юленька элегантно кланялись и с удовольствием купались в овациях.

Интересно...

А они что, вместе, что ли? И как долго?

Пока боролся с тремором, заметил, как бабёнки мои, точно оголтелые, откуда-то взяли цветы и потащились с букетами на паркет, чтобы вручить аргентинцу.

Даже не знаю, в каком я мороке находился. Прямо в анабиозе. Встал и вытаращился на неё.

Она стояла рядом с партнёром, улыбалась, кивала, отвечала на вопросы бабёнок. А потом к ней стали подходить мужики и принялись одаривать её цветами.

Сука!

Я дёрнулся в сторону паркета, спиной чуть ли не сшиб девчонку, спешащую с букетом цветов. Не помню, как остановил её, забрал букет и, сунув ей купюру, пробубнил:

- Я возьму, ладно?

Не помню ее лица в этот момент. Наверное, охреневшее с вытаращенными глазами. Не суть важно, сейчас мне было не до неё.

Я пошел. Направился туда, где стояла она. В центр танцпола.

Приблизился.

Она не сразу меня заметила среди толпы поклонников и цветов.

Мне пришлось подойти ближе, и я протянул ей цветы. Заметил, как мои руки подрагивали. Тремор, мать его!

Улыбнулась, глядя на цветы, протянула руку, чтобы принять букет, посмотрела мне в лицо и застыла на полпути.

Ее глаза цвета неба вдруг превратились в мёртвые и холодные. Лазоревую радужку затмила чёрная воронка, жадно поглотившая все то светлое, милое, лучезарное, что до этого освещало её лицо. До того, как она увидела меня.

Ухмыльнулась, отняла руку от моих цветов, точно от ядовитой гремучей змеи, и отвернулась, продолжив мило беседовать с поклонниками.

А я... Что мне оставалось?

Всунул букет в руки проходившей мимо девчули и рванул из ресторана. Куда рванул? А хер его знает.

Схватил со стола две бутылки вискаря, около входа в ресторан сел в первое попавшееся такси. На вопрос: «Куда едем, дарагой?» Ответил: «На хуй!»

Очнулся на пляже. У самого синего моря, где волны накатывали на берег с приятным для ушей звуком шуршания гальки.

Умиротворяющим звуком.

Сука. Успокаивающе-умиротворяющим звуком.

Для кого как! А для меня – звуком бухающего колокола, возвещающего о том, что я - долбоеб.

глава 5

Юленька.

Что ж, вот мы и встретились.

По-моему, прошло три года, если не ошибаюсь.

Хм, интересно было услышать звоночки в своём теле, когда его увидела.

И о чем они меня оповестили, эти хрустальные звоночки?

О том, что внутренняя, встроенная в мозжечок сирена, оповещающая об ураганах, цунами и ещё фиг знает о чем-то ужасном, в общем, о грозящей мне опасности, заорала и загудела «Алярм»!

То есть, в переводе на человеческий: «Тревога, рядом враг, который может причинить боль».

Так что... пошёл-ка ты на хутор бабочек ловить, дорогой Егор Андреевич. Больше не хочу я Вашей боли. Накушалась по самое немогу.

Это ж надо! С цветочками на паркет выпялился.

Даже любопытно, и чего он от меня ждал? Какой реакции? Я что должна была сделать? На шею ему кинуться, что ли? Ох, мужчины! Странные личности. Вообще не вкуривают, что за своё поведение надо отвечать.

В моей жизни много чего прошло за это время.

Когда уехала из замка, сбежав с той злополучной крыши, очнулась только лишь в России, дома.

Конечно, места себе не находила, чего уж говорить. Тяжело мне далась поездочка в Лондон. Переживала страшно,

схуднула так, что от меня одни глазюки остались.

Даже мамка разнервничалась.

- Девочка моя, что ж ты таешь, словно свечечка? Нельзя так переживать. Не стоит он того. Ты у меня такая красавица, умница. Да таких, как ты, днём с огнём не сыщешь. Он точно локти кусать будет, вот увидишь. А ты не плачь. Обида - она, конечно, ядовитая зараза, не даёт её просто так забыть, чтобы жить спокойно. Но ты уж постарайся. Себя полюби, наконец. Знаешь, есть хороший стих на эту тему: «Пусть плачут те, кому мы не достались! Пусть сдохнут те, кто нас не захотел!» Моя подруга обожает этот тост. И ты запомни и запиши в подкорке эти мудрые слова. Он ещё пожалеет, что с тобой по-свински обошёлся. Тоже мне, долбоящер недорезанный!!!

Долго ли, коротко ли, она уже хотела меня к психиатру записывать.

Ох, ну нет! Я все же постаралась, взяла себя в руки, мысленно провела границу между прошлым и будущим, и разделила свою жизнь на «до» и «после».

«До» - это Егор, предательство, обиды, слезы.

«После» - жизнь без Егора, наполненная красками, новой работой в одной из компаний-партнеров Холдинга Егора Громова во Франции. И танго! Искромётное, восхитительное, чувственное танго!

Удачной сменой места работы приятно обязана своей начальнице, которая очень расстроилась, узнав о моем вынуж-

денном желании уволиться. Хорошая женщина поскребла по сусекам, пошуршала по знакомым, позвонила, кому надо, и я буквально через некоторое время уже работала во Франции. Достаточно далеко для того, чтобы не видаться и не общаться с директором Холдинга.

Огромное ей спасибо. А ведь сначала она мне очень не понравилась. Первое впечатление, выходит, обманчивое.

А танцы? Что ж...

Шла как-то с работы, прогуливалась по Парижу и вдруг увидела огромную яркую афишу. Объявлялся день открытых дверей в танцевальном клубе. Я так обрадовалась! Со своей странной личной жизнью совсем забыла о себе. И как же я могла забыть о танцах?! Это же релакс! Отдых! Эмоции и чувства! Танцы - это моя любовь!

Конечно же побежала записываться в тот клуб.

Ну вот с тех пор и танцую. И очень неплохо. Даже собираюсь на танцевальный конкурс в английский Блэкпул, если и дальше с тренировками все пойдёт хорошо.

Родители очень обрадовались, что я снова вспомнила про балльные танцы.

- Ну наконец-то! Отец, я прямо на дочь не нарадуюсь! Мы ведь так старались, денег кучу потратили на твои костюмы, тренировки и поездки на турниры. Думали, что вот, будет тебе кусок хлеба с маслом и икрой, если с другой работой у тебя не получится. Ты же вполне в силах тренировать ребятшек. Тебя же звали на тренерскую работу? Ну вот. По-

чему бы и нет? Во Франции, поди, тоже детские танцевальные клубы есть. Вот и иди туда, резюме отправь. Глядишь, с твоими спортивными регалиями тебя с руками и ногами оторвут. Помнится, ты танцевала в паре с Серегой, и вы поехали в эту самую Францию на турнир. Так вы пару французскую обошли, заняли первое место. А они вообще где-то в заднице оказались. Ты ещё рассказывала, как французская партнёрша ревела, а ты её успокаивала. Что ж, извините! В большом спорте друзей нет.

Ох, мама прям стратег. Все моё будущее расписала, как по нотам. Сто процентов сейчас скажет про женихов.

Точно!

- Ну и парней там полно, в этом спорте. Да какие красивые! Помню, как ты танцевала с Димой, например. Уж такой хороший был мальчик. В общем, пойдёшь на тренерскую и жениха хорошего точно себе найдёшь. Не то что этот долбоклюй, Егор хрен Андреевич!

Послушала я маму, а сделала все по-своему. Имею право, так как жизненный опыт слишком богат на косяки, пинки и шишки на лбу от допущенных мною ошибок.

Сейчас я работаю. Причём, очень успешно. Так сказать, не подвожу начальство тупизной. Выполняю работу вовремя, в срок и на высоком уровне.

И танцую.

Вот, как сегодня. На корпоративе. С моим тренером из

Аргентины.

Знала ли я, что там будет Егор Андреевич?

Конечно же.

Просто теперь мне это глубоко параллельно. То есть, по-фиг. Собственно, как и ему, вероятнее всего. И цветы, наверное, он вовсе не мне хотел подарить, а Фагундо*, моему тренеру. Просто увидел меня и удивился, ни больше ни меньше.

Я тогда на крыше замка все поняла и запомнила. И напоминать мне ни о чем не надо. Проживу как-нибудь без Вас, Егор Андреевич. Вот только ещё немного постараюсь Вас забыть. А то ведь снится каждую ночь, просыпаться в холодном поту заставляете.

Каждую ночь снова и снова оказываюсь я на той крыше.

Как в кинофильме. Кадр за кадром.

Мёртвая Наташа лежит в луже собственной крови.

Чарльз, застывший, точно каменная глыба.

Егор - злобный и всем сердцем меня ненавидящий.

Я - одинокая и несчастная, никем не любимая и никому не нужная.

Что дальше случилось со всеми героями это печальной истории?

Знаю только про себя.

Все же, всеми силами пытаюсь все забыть, как страшный сон, и, наконец, полюбить себя.

Сегодня я уже не та Юленька-глупышка.

Теперь мне невозможно навешать лапшу на уши.

Охмурить взглядом а-ля «котяра», как у кота из мультика про Шрека с искренним, жалобным выражением с эффектом «щенячьих глазок».

Обольстить с помощью поцелуйчиков, обнимашек и ласковых словечек.

Соблазнить, дотрагиваясь до моего тела.

Достаточно.

Я повзрослела.

У меня появился иммунитет к мужчинам.

И цель.

Встретить мужчину - орла, наконец.

Сколько уже можно встречаться с мужчинами - страусами, мужчинами – павлинами и мужчинами – парнокопытными долбоящерами.

А с тобой, Егор, достаточно. На этом все.

глава 6

Егор.

Нет, я что - пимбола – хуюмбола, чё ли? Разговариваю непонятно? Или слова из моего рта вылетают и генерируются у них в ушах в виде иероглифов? Как ещё можно достучаться до тормознутых иностранных партнёров, если их тупизна проклюнулась из яйца раньше них?

По-моему, я сказал всем прямо, заранее и по существу.

На яхте - никаких баб-секретуток!

Не для того мы отправляемся в море на целый день, чтобы обжиматься по углам с нимфетками. Мы собираемся решать рабочие вопросы, обсуждать насущные проблемы, нюансы, планы, разрабатывать стратегию и тактику бизнеса.

И что я вижу?

Французские, мать их, партнёры притащили с собой девочку. Да еще кого! Юлию, свет очей, Батьковну!

Етить колотить, на хуе вертить!!!

Ну-ну! Посмотрим, как они смогут объяснить выбор своего представительства. Интересненько, любопытненько.

Я так понял, что кто-то из них с ней спит? Или я уже совсем головой уехал в ебень, и она у меня совсем не варит? С тех пор, как её увидел, крышняк съехал. Причем, конкретно. Никакое бухло не помогло. Ну что тут поделаешь.

Вот она теперь здесь, на яхте. То есть, её физическое те-

ло находится в одном пространстве с моим. Я дышу с ней одним воздухом. Один и тот же ветерок обдувает её тело и моё. Лучики, мать их, солнечные, одинаково ласкают теплом мою и ее кожу.

Что я должен при этом чувствовать? Не знаю, что чувствовать должен, но реально ощущаю полный пиздец. Кавардак в мозгах. Фатальную неспособность решать вопросы, которые я запланировал. А почему?

НЕ МОГУ С НЕЙ РЯДОМ НАХОДИТЬСЯ!!!

Аж трясёт. Тремор Треморович задолбал.

Пора признаться себе, Егорушка. Ты хочешь её до безумия, до паралича яиц, до свёртывания в скрутку хрена, до спазм в животе и офигенного сердечного задолбыша.

И как работать в таком состоянии? Да никак, сука!

После ресторана просидел остаток ночи на море. Прикончил два пузыря вискаря, остался при памяти, а потом долго-долго не мог заснуть.

Это что за пойло, которое оставляет человека при памяти? Хуевое пойло. Надо было сивушным самогоном запастись. Как выглохтал, точно бы свалился и не менее суток находился в сумраке.

Где-то неподалёку маячили фигуры эсбэшников. Оно и понятно. Саныч никогда и нигде не позволит остаться мне одному: хоть в космосе, хоть в самой глубокой подводной впадине. То бишь, в раю или в аду. За мной ведь пойдёт,

не сомневаюсь.

А я сидел и слушал звуки моря: шуршание и плеск волн, стакатто друг о друга глянцевых камешков – голышей, мягкое дуновение морского бриза, напоминающее касание чьих-то ласковых губ на твоей коже.

Да ты – романтик, Андреич. Твою бы романтику, да в нужное русло. А не можешь её правильно применить, так засунь её куда подальше, да забудь деваху, что тебе этот гребаный романтизм навевает.

Хорош! Пора взять себя в руки. И работать. И жить. Снова нормально существовать, как будто её никогда и не было.

Вот ведь какая хрень.

Я взял себя в руки, успокоился, собрался на яхту, подготовил документы, запланировал решение вопросов, наметил перспективу. То есть собрался честно и вплотную заняться работой.

Приехал на пирс к назначенному времени и сразу же поднялся на борт. Решил, пока все приглашённые подтягиваются, я быстренько похаваю чего-нибудь, а то с утра маковой росинки во рту не было. Надеюсь, местный кок завтраком меня обеспечит.

Точно, накормили по высшему разряду.

А когда подкрепился, выпил кофеечку, то поднялся в кают-компанию. Ровно в назначенное для всех время.

И что я вижу?

Среди десятка мужиков затесалась тёлочка. Мало того, что в мужскую компанию каким-то образом пронырнула, так ещё имеет наглость сидеть и мило ворковать с Османчиком.

А вот интересно, кто ее сюда привел?

Как она тут вообще оказалась?

И в каких она отношениях с Османом?

И какое отношение она имеет к моему Холдингу?

И почему от её вида у меня дрожат руки, прерывается голос и пимбол в штанах превращается в камень?

Таким образом, исключается любая возможность что-либо сообщать.

А я ведь, между прочим, на совещании. Мне сейчас мозги нужны, а не каша без нейронов.

Так, надо взять себя в руки. Не будь тряпкой, Егор!

Прокашлялся, сделал умный вид, игнорировал присутствие Юльки, как будто её не заметил. Ну, или якобы она мне по барабану.

- Доброе утро, друзья. Что ж, начнём. Предлагаю, для начала, представиться и познакомиться с вашими сотрудниками, которые присутствуют сегодня на совещании.

Краем уха прислушивался к представлению состава групп иностранных офисов. Навострил уши, только когда заговорил Кристиан Леруа, французский партнер нашего Холдинга. Причём, говорил ртом Юленьки. В смысле, она переводила его слова. Етить, колотить! Она чё, переводчик что ли?

Она представила всех, а потом себя: «Мисс Кречина

Юлия, ведущий специалист по медиапланированию и брейн-билдингу».

Ох ты, нихерашеньки! Это же должность, на которой она работала в моей фирме! Она и собеседование у меня проходила по этой же специализации! Получается, что она пригодилась, не там, где родилась. А я считаю, что должно быть наоборот. Где родилась, там и пригодилась. С какого это перепуга она работает не на меня? Что за хрень?

О чем это Вы, Егор Андреевич?

О том, что с хуя ли мои кадры разбазариваются? Мало того, что она оказалась с мозгами, да ещё и шпрехает на иностранном. Такая корова нужна самому. Интересно, а кто это так подфартил французишкам? Подкинул им моего ценного работника?

А ху-ху не хо-хо? Я, значит, воспитывал, растил ценный кадр, а у меня его из-под носа свистнули? Нашлись мне тоже, дельные – пиздодельные!

Вот ещё немного послушаю, что она своим хорошеньким ротиком навякает. Если действительно умняшка, то верну её в родные пенаты.

Да ты дурак, Егорка! Нахера тебе под боком конкретный триггер? Ты или сопьёшься, или член до дыр изотрёшь, стараясь перетрахать кучу баб, только чтобы о ней не думать.

Тем более, вряд ли это тебе поможет.

Может быть, не связываться? Пусть там, во Франции, остаётся и работает. Пользу приносит, и ладно. А где она ра-

ботаает на благо родных пенатов, так это же не важно.

Ладно, не бухти, я подумаю.

(Если чё, это я со своим внутренним голосом разговаривал. Прикольно, да? Главное, не шизануться. И чтобы не услышал никто, как я сам с собой разговариваю).

Вот сидел я сидел, слушал её, слушал, а сам...

Да, конечно, я прекрасно понимаю, что она говорит все правильно, и что за это время она стала профессионалом в своём деле. Умная, ничего не скажешь. Так все культурно объясняет, предлагает. Доводы аргументированы примерами, схемами и таблицами. Блять, умняшка, ни дать ни взять. Лучше бы глупая была. Мне было бы легче её послать и забыть.

Так ведь нет же!

Умная. И красавица какая! Еще краше стала. Породистая, статная, глаз не отвести. Не могу, сука, от неё глаз отвести.

Блять, мужиков, наверное, у неё – пруд пруди! Колечка на пальчике нет, значит, типа, не замужем. Ну а зачем ей замуж? Скорее всего, меняет мужиков, как перчатки.

Зачем ей постоянный муж, когда она такая красотка?

Да, я сам бы не прочь с ней покувыркаться. Нет, надо её поближе к себе вернуть.

Зачем тебе это надо? Ну вернешь ты ее. А дальше что?

Она тебя фактически послала нахуй. И тогда, три года назад, и вчера, когда не взяла от тебя цветы.

Ну, тогда надо найти такую же, как она. Пусть знает, что

на ней не сошёлся клином белый свет. Ещё пожалеет, что она меня послала.

Вот найду бабу получше ее, поумнее да покрасивее. Будет она тогда ногти грызть от досады и пытаться локти кусать, что меня похерила.

А я буду смотреть и ухмыляться.

Не, Егорка, все же ты – полный и беспредельный идиот. То бишь, пимбола – хуюмбола.

(Сука, этот внутренний голос вообще распоясался. Ебланит, хозяина своего – меня, то есть, оскорбляет. Вообще берега попутал!)

Да-а-а! Куда мир катится? Ну а кому в наше время легко!?

Девочки, дорогие. Не забывайте ставить лайки, звездочки, библы и комменты.

Ваш практически счастливый автор.

глава 7

Егор.

Совещание закончилось.

Причём, очень удачно. Я и не ожидал, честно говоря, что так плодотворно все пройдёт. Вопросы, что были запланированы, разрешились. И как ни странно, не без помощи Юленьки. Она не только помогала переводить с иностранного, но и была явно в теме производственных и коммерческих вопросов.

Ну что на это можно сказать?

Лучше промолчу, а то и так жаба задушила. Помнится, я ведь люблю все профессиональное. И это относится не только к секретуткам. А Юлия - далеко не секретутка.

Самое хреновое, что теперь мне предстоит провести целый день не только в обществе партнёров и их представителей, но и в её обществе. Куда ж её денешь с подводной лодки? К берегу поплывем только к вечеру.

В голове возникла и заскребла когтями ошалелая мысль, что она тут, рядом со мной на яхте, и что с этой посуды даться ей до вечера некуда, поэтому я мог бы, соответственно, с ней пообщаться и...возможно, разъяснить некоторые моменты и недоразумения, возникшие между нами когда-то. Ну, на крыше, например. И мысля эта, что пришла опосля того, что я нахуевертил, практически свела меня с ума.

Да, да, да, признаю! Я был слишком груб с ней. Наговорил всякой херни. Даже если закрыть глаза на то, что она с ним трахалась... Хотя... нет, не могу закрыть на это глаза. Нихуя.

У меня аж зубы свело. Отчего?

Не знаю, вероятно, если описать моё состояние на данный момент, то ничем порадовать себя не смогу.

Страх? Неуверенность в себе? Бешенство и злость, которые от вида её ощущаю всеми фибрами души?

Больше всего на свете я хотел бы, если честно, чтобы её на яхте не было. Мне было бы проще и спокойнее.

Но, тогда я не смог бы устранить возникшую между нами проблему, которая повлияла бы на её согласие вернуться на работу в мой Холдинг, в Москву, домой?

Так что, придётся тебе, Егор Андреевич, пошевелить булками и постараться не выёбываться, а предоставить ей выгодную возможность карьерного роста, только лишь мягко напомнив, намекнув о её предательстве. Ну это так, чтобы немного понизить ее самооценку. А то, гляди ж ты, умная она слишком! И так должна быть рада-радехонька, что я, несмотря ни на что, простил её и снова взял к себе на работу. Она должна мне руки целовать за возможность воспользоваться выпавшей на её долю удачей и предоставленным ей счастливым шансом.

Что ж, пойду ее поищу.

После совещания все разбрелись, кто куда. Кто-то решил прикорнуть в своих каютах после крайне сытного обеда, кто-

то принимал солнечные ванны на палубе, а кто-то не побоялся бездонной морской пучины с зубастыми её обитателями, и с удовольствием отправился поплавать. Яхта дрейфовала и не двигалась, временно сбросив якорь в живописной безлюдной бухте.

Я немного огорчился, когда не увидел Юльку за обедом.

Когда всех присутствующих пригласили за стол, сообщив, что повар-кок сбацал шикарный обед, достойный морских пиратов, она извинилась и вышла из кают-компании. Вероятно, направилась в свою каюту, что ей выделили для отдыха. Наверное.

Я, конечно, хотел спросить Леруа, почему его сотрудница не осталась на обед, но сдержался. Подобное пристальное внимание с моей стороны к её персоне было бы, как минимум, странным.

Но вот что удивительно.

Во время обеда Осман быстренько перекусил и, извинившись, тоже свалил из-за стола в неизвестном направлении.

Ах ты, турецкий сученыш!

Мне тоже гребтилось свалить поскорее. Уж так любопытно было, где же эти двое. Интересно. Может быть, они - каждый в своих каютах? Отдыхают?

От одной только мысли, что они могут «отдыхать» вместе, челюсти мои сомкнулись и зубы, закрипев друг о друга, издали лязгающий пронзительный звук.

Еле дождался окончания обеда и ринулся её искать.

Ее – занозу в моей заднице.

Телку, что снится мне каждую ночь и мучает меня стояком.

Изменщицу, которую я уже давно простил.

Она же должна быть рада, что я её простил? Не так ли? Или как?

Егорыч! А если ей похую твоё прощение?

В смысле? Этого не может быть. Она будет рада, потому что она влюблена в меня, как кошка. Вот стопроцентово уверен, что до сих пор сохнет по мне.

Охереть не встать! А ты не слишком самонадеян?

В смысле? Она будет кипятком писать от счастья!

Ну-ну! Дерзай, хуюмбола!

Оббежал всю яхту, точно ищейка. Нихуя.

Подумалось, что они могли ведь на лодке уплыть на берег, видневшийся среди бухтовых скал.

Бля, я – тупой. Как сразу не догадался?

Отправился на капитанский мостик, где капитан на мой вопрос: «Покидал ли кто-нибудь судно?», ответил: «Так точно. Двое. Они решили поплавать во-о-он на том пляже».

Он указал рукой в сторону видневшейся тонкой полоски песчаного пляжа между скалами.

Сука, сука, сука! Я так и знал!

Аж в жар бросило.

- Э-э-э, а можно бинокль?

- Ммм?

- Ну, я хочу удостовериться, что с нашими гостями ничего не случилось.

- Я дал им с собой сигнальную ракету. Кроме того, они надели на себя спасательные жилеты, прежде чем плыть на лодке. Не волнуйтесь, я слежу за безопасностью Ваших гостей, Егор Андреевич. Однако, уважаю понятие «приватности», если Вы меня понимаете.

- Что? Какой ещё приватности?

- Уединения, Егор Андреевич.

Вышел с капитанского мостика не солоно хлебавши, как камнем по башке стукнутый, на дрожащих негнущихся ногах, с красной мордой пятнами.

Вот тебе и ебать ту Люсю! Охуеть, не встать! «Приватности»! Это что за нахуй? И с чем его едят, интересно?

То есть, в переводе с матерного на человеческий: чем, интересно, они вдвоём там занимаются? Походу, ебутся, как кролики!

Фу-у-у, Егорушка! Какой ты грубый!

Заткнись, нахуй, долбоклюй гребаный.

А то что?

Нихуя, и лука мешок!

Не, надо заканчивать с внутренним голосом. Он меня выбешивать начал. Спорит ещё со мной, промокашка мозгоклюйская!

Бля! Хоть за ними плыви!

Да не вздумай! Ещё подумает, что ты за ней бегаешь! А вдруг помешаешь голубкам? Вдруг у них любовь, а ты со своим рылом там нарисуешься. Поломаешь им весь кайф.

Какой ещё кайф?

Эротический, бля!

Что ж, почему бы тоже не поплавать? Остудить головушку и немного заткнуть свой внутренний голос.

Поспешил в каюту, одел плавки, натянул футболку с шортами.

Спустился на нижнюю палубу, облюбовал подводную часть кормы рядом с трапом, спускающимся в воду, и нырнул.

Смотри, чтобы акула не сожрала, герой-любownik! А то вообще никому не достанешься, не только Юльке.

Бля, уж я под водой плаваю, а внутренний голос все равно не затыкается. Етить, колотить!

Плавал-плавал, вдоль и поперек избородил морское пространство в квадрате расположения судна. Тридцать раз обогнул яхту, поплавал наперегонки с шустрым азиатом, который меня уделал по самое немогу, потом посоревновался с французешкой и сам уделал его, как наши французов в 1812 году, а потом и немчуру обставил, как наши немцев в 1945 году.

Ну, бля, и устал под конец. Не мог уже телесами двигать. Пока от усталости не пошёл на дно, решил выползти на палубу и погреться на солнышке.

Я бы, конечно, уже свалил в кают-компанию и накатил вискаря перед ужином, но из принципа хотел дожидаться голубков и очень серьёзно поговорить с Османом.

Ну в самом деле? Какого хера он снова лезет к моей...

Бля, а вот сейчас-то она как раз никуя не моя. Плюнет мне в рыло, а я умоюсь. И будет права.

Походу, они с Османчиком снюхались, и мне среди них места нет.

Эх! Что говорить. Сопливых вовремя целуют. Похоже, я проебал свой шанс и остался в одиночестве, обмазанный соплями. Так мне и надо. А что я хотел?

глава 8

Юленька.

Надо же! Прошло столько лет, а я до сих пор не могу рядом с ним находиться.

Задыхаюсь. Будто кто-то перекрыл мне кислород и закупорил доступ воздуха в легкие.

Не знаю, как мне удалось выполнить свои обязанности на этом совещании, и откуда у меня взялись силы. Тем более, когда увидела, что на яхте собрались сплошь одни мужчины, а из женщин лишь я одна, так вообще чуть ли не впала в ступор.

Испугалась.

Чего? Сама не знаю.

Его испугалась, Егора.

Он так на меня смотрел! Взглядом прожигал. Будто говорил: «Ты чего сюда приперлась? Кто тебя сюда звал?»

Совещание длилось не менее четырёх часов, и все это время я плавилась от разлитой внутри меня огненной лавы. Молилась про себя, чтобы не сорваться, и с визгом испуганной девчонки не сбегать и спрятаться в каком-нибудь тёмном уголке. Таких на судне наверняка найдётся великое множество.

С трудом, конечно, взяла себя в руки. Пускай не думает, что я испугалась. И пусть он будет уверен, что я совершенно

спокойна, рассудительна и избирательна в своих предпочтениях. Сама выбираю, с кем мне общаться, а с кем погодить.

Во время совещания рассказывала свой доклад, переводила с иностранного пояснения и уточнения, отвечала на вопросы. И делала это практически автоматом, потому что, блин, постоянно чувствовала на себе его взгляд.

Вот вроде не смотрю на него, не вижу его глаз, а пронизательный, пыльный, насмешливый взгляд чувствую. Насквозь пронизывает, иголочками колет, вонзается в мою кожу, словно колючая промозглая стужа.

Его глаза...

Честно, не знаю, какие они у него сейчас. Я вообще на него не смотрю, как будто его здесь и нет. Когда он задаёт мне какой-либо вопрос касаясь доклада, или просит что-либо уточнить, я все равно не смотрю на него. Постоянно опускаю глаза, чтобы, не дай бог, не встретиться с ним взглядом.

А вообще последнее время меня все сильнее гложет один и тот же вопрос: «Почему он меня так ненавидит? За что называл проституткой?»

Ох, не буду об этом думать. Столько слез пролила! Слезинки капелька по капельке скопились в ручеёк, нашли себе дорогу и соединились, наконец, с широкой и полноводной рекой всех женских слез на этой планете.

Смешно. Ненавидеть человека за то, чего он не совершал? Это верх глупости, или безбашенного эгоизма.

Вероятно, мужчинам – долбоящерам и павлинам присущи

подобные поступки и поведение.

Интересно, а что с ним будет, когда он узнает, что я ему не изменяла? Как после этого он посмотрит мне в глаза? Посмеет ли?

Тогда, три года назад, я много раз порывалась прийти к нему в офис и выпалить ему прямо в лицо все, что я о нем думаю, рассказать обо всем, чего он не знает, и опровергнуть все его обидные обвинения в свой адрес.

Даже несколько раз приезжала к зданию Холдинга. Один раз осмелилась и вошла в холл, уже почти решилась обратиться к администратору на ресепшене. Но...повернула назад и убежала. Пару раз чуть с ним не столкнулась на лестнице около здания. Ладно хоть он меня не заметил. Шел такой задумчивый, голову опустил. А я как раз вовремя отвернулась.

А теперь... Не стану ничего ему объяснять. Да он, собственно, и не спрашивает.

А если спросит? Стану рассказывать?

Нет. Он меня очень сильно обидел.

На совещании увидела Османа и прям уцепилась за эту возможность, как за соломинку.

Все эти годы он так и не оставлял надежды завоевать моё сердце и заполучить мою руку.

Османчик, милый, как можно завоевать то, что разбито, а вместо сердца - лишь еле тлеющие угольки, что прожгли

насквозь мою душу.

После корпоратива, где я так удачно станцевала с Фагундо*, нам с Османом не удалось поговорить.

Я была в таком раздрае, что тлеющие угольки вместо сердца заискрили и зажглись, доставляя ещё более мучительную боль. Как будто при моем зашкаливающем рубеже терпения, предельной границе боли это вообще возможно.

В этот вечер я находилась в прекрасном настроении. Мне было так приятно, когда поклонники подходили к нам с Фагундо* и искренне восхищались нашим танцем. Дарили цветы, говорили милые приятные слова. И вдруг... мне протянули букет. Я подняла глаза, чтобы поблагодарить очередного поклонника за внимание... Но там стоял ОН, мой личный Ад. И протягивал мне цветы.

Это как вообще возможно? И как это понимать? После всего, что он мне тогда сказал, как низко оскорбил, он спокойно стоит передо мной и с совершенно невозмутимым видом протягивает мне букет!?

Только и смогла, что отвернуться, и сделать вид, что в упор его не вижу.

Хотя сама-то... Ох!

Очень трудно было сдержаться и сразу не сбежать с паркета, чтобы его не видеть. Надеюсь, он не заметил, как меня затрясло, заштормило и приблизило моё состояние к предобморочному. Так и хлопнулась бы на пол перед всеми, закатив глаза и долбясь в конвульсиях. Только напугала бы всех.

Это хорошо, что он сразу отвернулся и отошёл от меня со своим гребаным букетом.

Хотя...вероятно, он и сам куда-то сбежал, потому что я его больше в этот вечер не видела. Ну и отлично! Скорее всего с какой-нибудь тёлкой развлекаться укатил. Или пошёл в гостиничный номер.

Наш номер. В котором я когда-то...пришла к нему в комнату, бесстыжая, отдалась ему и потеряла невинность.

Правильно, что он назвал меня проституткой. Это же я к нему пришла, и я его умоляла, чтобы он любил меня, трогал, ласкал, целовал...

Божечки! Ну почему я его никак не могу забыть?!

Да потому, что он мой первый и единственный мужчина. Красивый, сильный, ласковый. Самый лучший на свете. Только вот один у него недостаток: он не любит меня.

На яхте Осман попросил о маленьком свидании.

А мне только и надо было, что сбежать подальше от Егора. Чтобы не дышать с ним одним воздухом, не находиться с ним в одном пространстве, когда один и тот же ласковый ветерок обдувает мою и его кожу.

Я так переживала, что впервые за столько лет Егор находится так близко от меня, что с удовольствием согласилась на предложение Османа доплыть на лодке до песчаного пляжа, затерявшегося среди бухтовых скал, немного там позагорать и поплавать в одиночестве, где не будет других людей, кроме нас двоих.

Когда приплыли, я совершенно справедливо остолбенела от потрясающего зрелища - чудной природной красоты береговой полосы пляжа с мелким белым песочком. Тёплая прозрачная вода лазоревого цвета радовала глаз и так и манила к себе, приглашая окунуться в прохладные волны, чтобы мы, наконец, искупались и понежились на сказочном берегу, подставляя свои тела жаркому солнышку.

Накупались, наплавались, набрызгались. Выползли на берег и рухнули в приятном изнеможении на песок.

Все это время Осман не напрягал меня. Мы болтали о том, о сем, ни о чем. Реально, я отдыхала и телом, и душой.

Когда распластались на песке, немного дрожа и кайфуя от приятной холодности мокрой купальной одежды, постепенно начали ощущать, как ткань нагревается, наполняя тело истомой. Сразу потянуло в сон.

Но Осман не собирался дремать. В кои-то веки он заполучил меня на свидание.

- Малышка, поговорим?

Я засмеялась.

- Осман! Какая я тебе малышка!? Уже давно выросла.

- Ну-у-у, несмотря на то что ты стала старушкой, для меня ты все равно малышка.

- Насмешил, Османчик.

- Мне так нравится, когда ты меня так называешь.

Я почувствовала, как изменился его голос. Вдруг стал гор-
танный, хриплый, тягучий, точно сгущённое кофе. Ох! Еще

проблем мне не хватало!

Я лежала на спине, подставляя тело солнечным лучам. Правда, купальник на мне был сплошной и совершенно не «блядский». Все прилично и красиво. Открыто для обозрения ровно столько тела, насколько это прилично. На лицо положила шляпу, которую заблаговременно захватила в морское путешествие. Если не прикрою мордашу, то превращусь в краснющий спелый помидор. Так что, пришлось мне беседовать с моим турецким другом сквозь шляпные поля.

- Османчик. Можно я не буду убирать шляпу с лица? А то буду красная и некрасивая?

- Ну конечно, что ты спрашиваешь? Делай, как считаешь нужным.

Почувствовала, как он придвинулся ко мне. Его влажные плавки коснулись моего бедра. Вероятно, он захватил своей рукой горсть горячего песка, потому что я ощутила на своей руке песочный теплый душ. Посыпая меня нагретым на солнце песочком, он, вероятно, забавлялся, или посчитал, что делает мне приятное.

А потом продолжил, как ни в чем не бывало.

- Хм. Можно спрошу? Мы же с тобой не виделись много лет. Ты упрямо не хотела меня видеть. Я столько раз напрашивался к тебе в гости, но неизменно встречал отворот-поворот.

- Не бери на свой счёт. Я никого не хотела видеть.

- А сейчас?

- Честно? И сейчас.
- Значит, еще не прошло?
- Ммм.
- Это он тебя обидел?
- Ну...
- Что он сделал?
- Ничего особенного. Он назвал меня проституткой, фактически обвинив в совершении преступления Чарльза и ранении или смерти Наташи.

Я скинула с лица шляпу и вскочила.

- Осман. Ты знаешь что-нибудь про Наташу? Что с ней случилось? Она умерла?

Покачал головой.

- Нет, Юленька, не знаю. Если бы знал, что тебя это интересует, обязательно спросил бы у Егора.

Я снова рухнула на спину и прикрыла глаза рукой.

- О-о-о! Ты не представляешь, как меня это мучает.
- Но это же глупость. Почему он тебя в этом обвинил?
- Не знаю. Осман. Я ничего не знаю.
- Так вы с ним до сих пор не поговорили?
- Нет. Я не хочу с ним общаться.
- Но...
- Давай больше не будем об этом.
- Окей. Тогда...можно тебя поцеловать?
- Да. В щечку. Как мой друг.
- Почему?

- Я тебе уже говорила. Я тебя не люблю. Ничего не изменилось.

- Ты его до сих пор любишь?

Снова поднялась на локте и взглянула в его чернущие шоколадные глаза с искорками турецкого кофе.

- Я действительно должна отвечать тебе на этот вопрос? Ты серьёзно?

- Блин, да, черт возьми! Если ты его не любишь, тогда я хочу быть с тобой. Хочу тебя замуж.

Улыбнулась.

- Ты что же, до сих пор не женился? Почему?

Отвернулся, вглядываясь в морской горизонт, нахмурился.

- Не встретил такую, как ты.

Села, обхватив руками колени. Тоже уставилась на горизонт, вернее, на яхту, что дрейфовала неподалёку, и куда мы через некоторое время должны вернуться. Туда, где сейчас ОН.

Действительно, и почему мы до сих пор не поговорили, не выяснили? Потому что он не спрашивал и не собирался со мной говорить. Я для него – преступница и шлюха.

Почему-то в данный момент подумалось, что Он сейчас смотрит на нас. В бинокль, например.

- Хм. Ты знаешь, Осман...

Наша лодка причалила к яхте, когда уже начало смеркаться-

ся, и по звездному небу, плавно переходящему в морской горизонт, разлились малиновые сполохи. Пока Осман сушил весла, я собралась подняться по трапу, зацепившись руками за корму, когда увидела крепкую руку, протянутую мне.

- Держись.

Схватила за неё, почувствовала, как моя ручонка утонула в широкой тёплой ладони, как рука дёрнула меня вверх, и я оказалась лицом к лицу с Егором.

В его объятиях.

Ох, практически в объятиях, потому что он сжал мои руки в широких и тёплых ладонях, и не собирался их отпускать. И наклонился ко мне так близко, что я утонула в его глазах-омутах, задрожала и затрепетала. Внизу живота заныло, снова поднялись роем треклятые бабочки, задевая где-то внутри меня нервные окончания.

О-о-о! Эта дрожь! Предательница! Ну почему так не вовремя я дрожу!?

Божечки, наконец-то! Вздохнула с облегчением, когда сзади меня прогремел голос:

- Егор. Отпусти, пожалуйста... мою женщину.

Увидела, как губы моего адового кошмара скривились в усмешке. Но он не собирался отводить от меня взгляда.

- Я где-то уже слышал нечто подобное. Вернее, когда-то. Хотя, помнится, что картина сейчас немного не полная.

Он отпустил мои руки...крепко подхватил за задницу и поднял меня на руки, крепко прижимая к себе.

- Вот так она более правильная, та картина. Я держал тебя на руках, не правда ли?

Мой голос, наконец, прорезался.

- А сейчас отпусти меня. Мы не в прошлом. Мы – в настоящем.

- Нам надо поговорить.

- Мне не надо.

- И тебе надо.

- Ты не считаешь, что слишком поздно?

- Поздно для чего?

- Неправильный вопрос. Не для чего, а почему.

- Ну так, почему?

- Потому что я больше не люблю тебя.

Ох, как он завибрировал! Все тело его превратилось в огромный коллаيدر. Куда ж энергию-то будешь девать, Егорушка? Взорвёшься ведь сейчас.

- Т-ты это серьёзно сейчас говоришь?

А ты что хотел? Что я упаду перед тобой на колени и буду целовать ноги с криками: «Спасибо, ты простило меня, моё божество!»?

Я ещё много чего могла выпалить ему в рожу. Но я ответила коротко.

- Да.

Его взгляд потух, чёрная радужка заполонила кофейный оттенок его прекрасных глаз, в которых исчезли золотые шоколадные искорки, превратив их в зловещие бездонные ому-

ты.

Он отпустил меня, освободив из своих объятий. Руки его опустились, голова поникла, но взгляд... Он снова был готов меня испепелить.

Да куда уж больше-то, Егор Андреевич? От меня и так одни угольки остались. Хуже, чем есть, уже не сделаете.

Осман подошёл ко мне, обнял за плечи, подтолкнул тихонько в направлении кают.

- Ты иди, малышка. Я позже приду.

Я кивнула и на негнущихся ногах отправилась в свою каюту.

А Осман остался с Егором.

Примечание:

Фагундо* - один из героев книги «Танцуй только со мной»

Книга опубликована на моей странице на Литнет:

<https://litnet.com/shrt/1C15>

Мои дорогие девочки. Просто счастлива от количества прочтений книги. Однако, звездочек и библов в несколько раз меньше. Обидно. Неужели не нравится моя история?

Прошу вас, не жалейте для вашего автора такой малости. Если нравится, то смело нажимайте на кнопку в карточке книги «мне нравится», отложите книгу в библиотеку, и обязательно пишите комментарии. Тогда я буду знать, что с этой историей все хорошо.

Ваш автор.

глава 9

Егор.

Она ушла. Даже не посмотрела на меня. Видно, так сильно ей противен. Ну, наверное, заслужил чем-то.

А мы с Османом постояли немного, облокотившись на поручни, вглядываясь в морской цветистый горизонт, окрашенный малиновыми сполохами, и помолчали.

Нихера не знал, как начать разговор.

Ведь взрослый же я мужик, а ошибок нахеровертил уйму. Но ведь каждый в своей жизни ошибается. Не правда ли?

Вот, бля, чуть-чуть вроде подержал её в руках. А ведь закрутило меня, охереть как. Чуть не задохнулся от нахлынувших чувств и воспоминаний. Точно лавиной или штормовой волной снесло напрочь мою башку, а вместе с ней - самоуверенность, похуизм и самообман, который я кушаю уже три года.

Я эгоистично надеялся, что она мне похеру. А дотронулся до неё, и...

Бля, ну как так-то? Ведь нельзя же так с ума сходить по бабе! До чего я докатился? Хотя...нихуя она не баба, она... - малышка. Любимая девочка.

А, может быть, это ревность играет со мной злую шутку? Ну, увидел её с Османом, и взбесился? А не увидел бы, так и похуй было бы?

Да вряд ли. Вот никак не могу её забыть. Не могу. И... не хочу.

Только с ней я был так счастлив, что башку напрочь снесло. Именно с ней я хотел семью. Впервые в жизни не посчитал, что жениться на женщине – запаadlo. Впервые представлял, какие у нас с ней будут дети. Доченька, такая же беляночка и красавица, с носиком-кнопочкой и глазками цвета неба. А сын – моя полная копия. Ну, кроме некоторых долбощеровых черт характера, которых у меня в избытке.

Ох, да-а-а.

А вот как увидел её голую на руках у Чарльза...

Пиздец, как хуево стало. Не могу я такое спустить на тормозах. Ну не могла она не спать с ним, если он держал её голую, такую нежную и трепетную, в своих руках.

Я ведь вот только дотронулся, а уже с херов съехал. А он... Не мужик, что ли? Конечно, перед ней не устоял. Разве можно ее не захотеть?

И вот Осман тоже. Сука турецкая! Бля, никак от неё не отъебется. Ну сколько же можно!?

Ладно, нечего себя поедом грызть. Надо расставить все точки над И.

- Хм. Осман, друг, какого хера? Схуя ли она – твоя женщина?

- Все изменилось, Егор.

- И что же изменилось?

- Все. Она же не с тобой? Нет. Так с какого перепуга я

должен отступить и отдать тебе женщину, которую люблю?

- Не смеши меня, Османчик. Когда ты успел её полюбить? Не зли меня. Ты же знаешь, я, сука, бешеный. Не сдержусь и вдарю тебе в табло.

- Знаю, знаю. Только смысла нет бить мне морду. Ну вдарьшь ты мне, потом я тебе. И что дальше? Она все равно с тобой не будет.

- Схуя ли?

- В смысле? Ты ее на хуй послал, когда еще к тебе Наташка тогда приехала. Юлька тебя ждала всю ночь, переживала за тебя, не знала, вернешься ли ты живым. А ты, сука, вернулся с Натахой, да ещё и на развод подал. Ты не прихуел, часом? И что? Как ты думаешь, что она должна была думать? Да ещё я приехал со своим еблом, типа: «Садись в машину, Юленька. Егор передал тебе, что ты ему нахуй не нужна, он теперь с Наташей будет жить. А ты поезжай со мной в Турцию. У тебя, типа, нет выбора». Так что ли?

- У меня не было выхода. Я же тебе все объяснял.

- Да хули ты мне объяснял? Чего ей не объяснил? Ты с ней поговорил?

- Нет.

- И что? Как она должна была обо всем узнать? Она, бля, экстрасенс, что ли?

- Хм. Да бля...

- Хули ты «хмыкаешь» да «блякаешь»? Ебланить нечего? А потом? На той ебучей английской крыше? Как ты мог вы-

сказать ей всю эту поебень? Как вообще язык у тебя повернулся? Ты понимаешь, что она чувствовала в этот момент, когда ты назвал её проституткой? И что она, якобы, охмурила Чарльза? Ты – дурак?

- Бля, не нагнетай. С твоих слов это звучит как-то хуево. Я не так все это представлял.

- Нихера себе! А как ты представлял? У тебя изо рта как-то по-другому слово «шлюха» звучит? Ну-ка произнеси, нахуй, я послушаю. И это после того, как она стала твоей! До сих пор себе не прощу, что не взял её тогда в Стамбуле. Сдержался, не стал насильно принуждать. Она попросила, чтобы я ее не трогал. Такая девочка... чистая, милая. И тебе, падла, досталась. Ты, еблан, сорвал её цветок, она была твоей, принадлежала только тебе, а ты посмел говорить ей такое! Тебя, сука, совесть не гложет? Я бы уже давно на твоём месте застрелился.

- Ебать ту Люсю! В твоём понимании все как-то не так смотрится. Мы с Наташкой их искали. Где только не были. Натаха чуть копыта не отбросила, когда нам сообщили, что они разбились на самолёте. Просто ты не представляешь, что тогда творилось в больнице. Врачи еле вытащили её с того света. Она так за Чарльза переживала, а я с ума сходил по Юльке. Думал, сердце разорвётся. Да еще Наташка сказала, что он такой... в общем, охеренный мужик. Перед ним она точно не устоит, если он её захочет. Он любую бабу совратит. А тут малышка-глупышка Юленька. Наивная и молоденькая.

Она ведь мужиков-то вообще не знает, кроме меня. А там такой монстр, опытный, сука, в любовных делах. Вот и поехала моя крыша в ебенья, когда увидел их в его спальне. Она у него на руках и голая. Бля! Ну как тут кукуху не словить? Я же, сука, по ней с ума схожу.

- Нихуя себе, как ты с ума сходишь. Если бы любил, простил бы ей все. Вот я, например. Проглотил и забыл, что ты взял ее... в общем, ты – ее первый мужчина. Ты даже представить не можешь, как меня от этой мысли коробит и переворачивает. Но я забыл. Никогда ей этого не вспомню. Поэтому, Егор, отъебись от неё и забудь. Я предложил ей выйти за меня замуж.

Не херово так под дых мне его слова вдарили. Впору скрючиться в три погибели. И шею словно удавкой сдавило. Дышать не могу. Аж рукой за горло схватился, чтобы ту удавку сдернуть. Да не подумал, что она внутри меня. Прохрипел еле слышно:

- И что она?
- Она подумает.
- А что мне теперь...прикажешь делать?
- Отъебись, я уже тебе сказал.
- Так...она тебе сказала, что меня не простит?
- Мы не говорили о тебе, Егор. Твоё состояние и Юлькино отношение к тебе мне параллельно. Я переживаю о ней и молюсь, чтобы она приняла решение выйти за меня замуж. А ты... Что ж. Ты разбил ей сердце, Егор. Надеюсь, ты это

понимаешь.

Прокашлялся, растёр ладонями шею, несколько раз глубоко вздохнул и почувствовал, как защемило где-то в районе сердца. Там, где живёт душа.

Прокашлялся, прохрипел замогильным голосом:

- Хм, кхе, кхе... Пойдем, Осман. Неудобно перед коллегами. Нельзя отсутствовать на ужине в честь удачного и плодотворного совещания. Ох, еще этот ужин ебучий. Мне кроме пошла кусок в горло не полезет после всего...

Оглянулся на Османа.

- Как ты думаешь, она придёт поесть? Ведь целый день ничего не ела. Наверное, голодная.

- Да. Я пойду за ней, приведу. Она действительно голодная. Уговорю как-нибудь.

- Можно, я с тобой пойду?

- Слушай, иди нахуй к своим коллегам. С тобой я вообще её не уговорю. А так есть надежда. Она ведь лучше с голоду умрёт, чем пойдёт с тобой ужинать.

Ухмыльнулся.

- Хм. Османчик. А ты ничего так по нашему матерному говорить научился.

- Да ничего удивительного, бля. Ебучие учителя ебать какие пиздатые были. Я уже сколько лет в твоей России парюсь. Даже еблан на моем месте научился бы по нецензуре шпрехать. Не то что я. Все, иди, я пошёл. Если получится, приведу. Нет, так попрошу принести какой-нибудь жратвы

в каюту. И, Егор...

Он впился в меня суровым взглядом:

- Я сам ее покормлю. Ты понял?

Не стал ему ничего отвечать. В груди разлилась боль. А еще – печаль. Какой же я, сука, дурак! И как теперь мне все исправить? Ведь потеряю её, навсегда. Ведь если выйдет за него замуж, закроет дверь и никогда никому не откроет, кроме законного супруга. Верная. Так воспитана. И как я мог так объебаться? Будто морок какой мне глаза затмил и мозги отключил на тот момент.

Конкретно крышняк съехал от вида Наташки в луже крови. Прямо триггер сработал.

И что теперь мне делать? Знал бы Прикуп, жил бы в Сочи.

Башку надо включить. И чем скорее, тем лучше.

Не отдам ее козленку турецкому.

Никогда.

Хотя...она меня не спросит.

Дорогие мои девочки. Возможно, кто-то пропустил информацию, что эта книга - продолжение книги «Глупышка. Камасутра для плохой девочки». Поэтому что-то из сюжета (из воспоминаний героев) покажется не понятным.

Выход есть. Прочитать 1 книгу. Она опубликована на Литнет:

<https://litnet.com/shrt/XP6b>

Там о том, как Юля и Егор познакомились.

Ох, там такие битвы между 18-ти летней студенточкой Юленькой и 36-ти летним ловеласом Егором! Она спокойно ехала за рулём, чуть растерялась и въехала долбоящери в бампер. Что тут было! Как же громко орал долбоклюй!

Читайте с удовольствием. Комментируйте. Не забудьте поставить звёздочки (лайки) и отложить книгу в библиотеку.

Ваш автор.

глава 10

Егор.

Пришлось переться на долбаный ужин. Ничего не попишешь. Я – приглашающая сторона, организатор мероприятия. Уж если замутил этот корпоративчик, так и надо продержаться до конца. Ещё завтра покорячиться, и домой. Хотя, в крайний день будет только развлекуха, бассейн и все дела рядом с ним. Бармен с полным баром бухла не даст никому заскучать, аниматор с диджеем замутят какую-то программу в стиле гавайской «Луау». Скорее всего, всем будет интересно и очень весело. Кроме меня.

Мне как-то херово. Не до бубнов с плясками. Если что, обойдутся без меня. Можно будет остаться в гостинице и никуда не ходить. Переспать как-нибудь ночь, позавтракать. А рано утром нас всех будет ждать самолёт домой, в Москву.

Но это будет только завтра. А сейчас пока что я сижу на гребаной яхте, угощаю иностранных коллег, мило улыбаюсь, веду непринуждённую беседу, отвечая на вопросы. Все на автомате. Практически не вникаю в суть разговоров. Но мне похер, что обо мне подумают. Вот, честно.

Я сижу и смотрю на дверь.

Прям гипнотизирую эту ебучую входную дверь.

Прошу тебя, откройся ипусти сюда, на ужин, Юленьку, мою девочку, мою любимую малышку.

Прошу, не будь так суров, Господи. Я признаю, что совершил ошибку. Что был груб и сам, собственными руками, уничтожил её любовь ко мне.

Только ведь, сука, дело в том, что свою-то любовь я не уничтожил. И все эти годы подспудно надеялся, что Юлька придёт ко мне. Ну, в офис, там, или около здания, на крыльце где-нибудь меня подождёт. Даже если бы выплеснула мне в лицо все, что обо мне думает, я бы...

А что бы я?

А я, бля, на тот момент повёл бы себя, как дурак, долбоклюй гребаный. Выебнулся бы перед ней, какой я крутой, сука, и неприступный, обиженный индюк. Тогда я бы весь мозг ей вытрахал, нервы поднял, высказывая ей свои долбоящерские предьявы.

Я же все это время думал, что прав.

Ну какой же я, сука, еблан! Нет мне прощения. Я бы на её месте послал меня нахуй. Не меньше.

Нет, мне срочно надо с ней поговорить, иначе будет поздно.

Ох, опомнился. И какого хера ты так долго не догонял, что нахуевертил? Тебе Осман мозги промыл, что ли?

Ну да, промыл. Видно, он не такой высокомерный павлин, как я. Это я возомнил о себе, что супер-пиздодельный и супер-охуенный. А то, что я - обычный долбохрен, я не подумал. Не видел себя со стороны. А тут, как картину маслом рассмотрел. Увидел глазами постороннего человека и почув-

ствовал на своей шкуре, что я тогда насвистел ей своим поганым языком. И правильно, что она мне ничего не сказала. Как можно ответить на такую хуйню, что она от меня услышала? Никак. Только повернуться, и уйти. Что она и сделала, собственно.

И вот теперь она ушла, а я остался.

А ещё нарисовался Осман.

И мне теперь сложнее до неё достучаться.

Дверь, ты откроешься?

Походу, нет.

Снова пришлось отвечать что-то япошке, потом французишке...

Кстати, ведь ничего не случится, если я поспрашиваю Леруа про его подчинённую? Ведь ничего не случится... Хотя немного поговорю о ней, и сердцу чуть полегчает и теплее станет.

- Леруа. Поздравляю. Ваша сотрудница Юлия Кречина произвела очень хорошее впечатление. Вполне компетентная.

- О, да, Егор. Она - умница. Прямо не нарадуюсь, что нам досталась такая талантливая девушка. Очень способная.

- Да уж, не сомневаюсь. Молодец. Но какими судьбами она у вас оказалась? Она же русская. И раньше работала в моей фирме.

- Нам порекомендовали её с вашего же офиса. Ее начальница. Понимаю Вас, Егор. Я фактически забрал ее у Вас из

под носа. Однако, она сама пожелала и, в общем-то, настаивала на том, чтобы уехать из России. А я и обрадовался. Получил в свой офис такой бриллиант. У неё какая-то личная причина, я не стал спрашивать, понимаете ли, мне было несколько неудобно. Все же личное дело каждого, где жить. Мало ли, какие у кого причины.

- Да, да. Я понимаю.

Ёкнуло вдруг сердце, и я почувствовал раньше, чем увидел...

Уже совсем потерял надежду, когда дверь открылась и в кают-компанию вошли Осман с Юлькой.

Ох, только не надо реагировать, как Чеширский котятра, расплываясь в зубастой улыбке. Скомкай харю, Егорчик.

(Етить, внутренний голос. Ты меня уже задолбал!)

Бледненькая какая. Наверное, плакала.

Не смотрит на меня. Улыбнулась Леруа, и тот вскочил, отодвинув ей стул рядом с собой.

А Османчик-то обломился! Пришлось ему кидать задницу рядом со своими турецкими сотрудниками. Хоть этому порадуюсь, что он не рядом с ней уселся. А то уже зубы сводит оскоминой от его ухаживаний в её сторону.

Хоть посмотреть на нее.

Как же, оказывается, я жутко соскучился. Вот не видел её, и то снилась мне каждую ночь. А сейчас...точно мне настанет пиздец. Как жить-то буду без неё? Она вон даже не смотрит на меня. И правильно делает. Чего на Козла-хрен-Дол-

боящеровича смотреть? Его надо однозначно игнорировать.

Батюшки-светы, ты никак поумнел, Егорушка? За ум взялся? Корону нарцисса с башки снял? Охуеть, не встать!

(Да понял я, нечего мне мозг парить. Оставь меня в покое.)

Да с хера ли? Дай поизмываться над тобой. В кои веки дебил признал то, что он – дебил. Хоть понаслаждаюсь моментом! Не нагнетай. Я больше не стану тебе мозг трахать. Молча буду ухмыляться и ржать над тобой. Кипятком буду писать, глядя, как ты за ней рассекать будешь, а она тебя – мордой об асфальт. Бля! Какой кайф получу!

(Сука, хоть пожалей меня. Не издевайся.)

Ты и сам прекрасно себя жалел столько времени. Иди нахуй.

(Щас набухаюсь, и ты заткнёшься.)

Хер тебе, я тебе тогда приснюсь и буду вопросы разные про неё задавать.

Ох, как заломило сердечко! А я уж думал, что вместо него одни угольки остались, или дыра огромная, выжженная, как после удара пули.

Ну взгляни на меня, любимая.

Ой, бля, а только недавно ты ее по-другому называл.

(Дурак был.)

Встал из-за стола, перешел к барной стойке. Заказал у бармена вискаря.

Че, набухаюсь. Пока другого выхода нет.

Сука, уже который стакан прикончил, а все не берет. У меня что, иммунитет к алкоголю выработался?

Заметил, что она и поела совсем чуть-чуть, как птичка. Встала...

Бля, встала. Сейчас уйдет...

Точно, направилась к выходу и открыла дверь. И Осман увидел, что она уходит, но пиздит с япошкой, не может разговор прервать. Таращится в мою сторону, глаза квадратные сделал. Боится, что я за ней пойду.

А я и пойду. Мне, сука, надо с ней поговорить. Дотронуться до неё. За руку взять. Почувствовать её трепетные и нежные руки, чтобы ещё раз кайф словить. Чтобы башка снова кругом пошла от её близости. Чтобы снова я окунулся в любовный омут, морок, из которого не хочу выходить.

Рванул за ней, как оголтелый...

Догнал, когда она открывала дверь в свою каюту.

- Юленька...

Обернулась. Глаза на меня подняла. Испуганные, заполошные.

Взял её за руку, коснулся губами запястья, ладошки, каждый пальчик поцеловал. Почувствовал, как она затрепетала, задрожала, точно птичка.

- Юленька, прости меня.

Заворожил, впился глазами ей в лицо, не позволяя отвести взгляд, не давая очнуться, отстраниться, вспомнить...

У самого будто голова закружилась. Насытиться не могу,

насмотреться, напиться близостью её, запахом таким знакомым и родным. Не хочу отпускать её. Пожалуйста, господи, оставь её какое-то время в мороке, не дай очнуться и прогнать меня.

- Прости меня. Прости. Я...

Дай мне силы не сделать чего-то, что её ещё больше от меня оттолкнёт. Ведь нет сил держаться. Еще немного...

Сейчас придёт Осман и не даст нам поговорить. Не даст. И она снова закроется от меня.

Подхватил её на руки, вошёл в её каюту и закрыл за собой дверь.

Услышал, как она «ахнула», закрыла лицо руками, зашмыгала, замотала головой.

А потом отняла руки от лица и взмахнула ресницами.

Я с тревогой и надеждой всматривался в глаза цвета неба, наблюдая близко-близко, как с каждой секундой радужка окрашивается в тёмно-синий цвет. Цвет урагана, шторма, вихря и ненастья.

Нет, она не простила меня.

Из её прекрасных глаз цвета боли катились бусинки-слезинки.

Она молчала, вероятно, не в силах что-либо говорить.

Я предпринял последнюю попытку:

- Можно, я их собираю?

Не стал ждать ответа. Коснулся губами мокрых глаз, собрал губами слезинки со щёк, подбородка.

- Прости меня, любимая.

Приблизился к губам... Она отвернулась, а я услышал из её уст горькие, измученные, точно раздавленные тяжёлой гранитной плитой слова:

- Отпустите меня, Егор Андреевич. И больше никогда не приближайтесь ко мне.

Строгая, неприступная, печальная. Какая же она несчастная!

Я отпустил её, и она поспешила отойти от меня на безопасное расстояние, чтобы я больше не смог коснуться её своими руками.

- Почему, Юля? Я ведь все понял. Что был очень неправ по отношению к тебе. Скажи, что мне сделать, чтобы ты поверила, что я раскаялся, и простила меня?

- Я ничего от Вас не хочу. Прошу, выйдите.

- Позволь, я расскажу тебе, почему это произошло?

- А это неважно. Какова бы ни была причина. Вы позволили себе так поступить со мной. Для меня этого достаточно. Я больше ничего не хочу от Вас. Оставьте меня в покое. Пожалуйста. Я не хочу Вас больше видеть.

- Мы же любим друг друга. И ты это знаешь.

- Если любишь человека, не станешь причинять ему боль. Вы сделали мне очень больно, и без сожаления растоптали и убили мою любовь, Егор Андреевич. Достаточно. На этом все.

- Тогда позволь мне попытаться снова завоевать твою лю-

бовь.

Она молчала. Я помедлил немного и осмелился:

- И ещё, ты не будешь против, если я верну тебя в мой офис, в Москву? Не переживай, должность и зарплата будут достойны твоих способностей. Тебе будет удобнее продолжить учёбу, если будешь работать дома.

- Я буду против. Но, вероятно, для Вас на первом месте целесообразность? Хорошо. Не буду с Вами драться по этому поводу. Но не надейтесь, что, если стану к Вам ближе, то передумаю. Нас связывает только работа. И ничего более. И еще. Я продолжу заниматься танцами и ездить на турниры. Не переживайте. Время моих поездок будет за мой счет.

- Хорошо. Я согласен.

Она снова взмахнула ресницами. Бог мой! Снова глаза цвета неба! У меня появилась надежда?

- Я спрошу Вас, Егор Андреевич. Тогда, накрыше, Вы так искренне убивались, переживая о Наташе, совершенно наплевав на мои чувства. А сейчас вдруг снова обратились ко мне лицом. С чего вдруг? Потому что она умерла? Только поэтому Вы вспомнили обо мне? Чтобы заполнить кем-то своё сердце после...ее смерти?

Я не успел ответить.

Открылась дверь, влетел Осман и с размаху вдарил мне в табло апперкотом.

- Сука, ну сказал же! Не трогай мою женщину!

Я не стал ему отвечать. Потому что все, что со мной сей-

час происходит, я заслужил.

Дорогие мои девчонки.

Все про Наташу и Чарльза в книге «Жгучая Стерва».

Вы узнаете, как гг познакомились, через что прошли, и что с ними случилось после выстрела Чарльза на той злополучной крыше.

Книга опубликована на моей странице на Литнет.

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/-7ЕК>

Пока ещё в процессе и подписке. По окончанию книги цена станет дороже.

А теперь немного визуалов. Вспомним, как выглядят наши герои.

Юленька

Ezop

Осман

ИИ

Т

а

у

п

ы

и

к

Hamaua.

Чарльз

Дружечки мои. Не забывайте нажать звёздочку в карточке книги, отложить книгу в библиотеку и хоть разок написать что-нибудь в коментах. Девчонки, не молчите! Я должна знать, как вам зашла моя история.

Ваш автор.

глава 11

Егор.

Ну, бля, конечно, Османчик приложил меня знатно. Чуть морду не свернул.

Ничего. Поднялся, глянул на Юльку так ненароком...

А она отвернулась, не стала смотреть в мою сторону и разглядывать картину маслом, где я слабый и поверженный.

Пауза затянулась, и Осман, понятное дело, решил её прервать:

- Иди, Егор. Остынь уже. Кстати, проспись. Накирлся, ведешь себя неадекватно. Руки вот распускаешь, куда не надо. А девушка чужая, не твоя. Так что...

- Можешь не повторять. Я все понял. Ухожу.

Смотрел на нее, смотрел, смотрел. Ну, может, обернётся, взглянет напоследок. Ведь мне сейчас по роже дали, и мне, скорее всего, больно.

Ну все, все, пиздуй, давай. Видишь, девушка не хочет тебя видеть. Чё тебе не понятно?

(Ох уж этот внутренний, мать его, голос! И, походу, он солидарен с Османом. Предатель!)

Все. Она закрыла дверь. Теперь мне к ней не пробиться.

Прокашлялся, прочистил горло, пробубнил напоследок.

- В общем, сейчас отплываем. Собирайтесь. Ладно, завтра

увидимся. Пока.

Ну и все, собственно, с этими словами открыл дверь, переступил порог её каюты, и свалил. Исчез, как с белых яблонь дым. Где-то слышал эту хуйню. Очень подходит к настоящему моменту моей гребаной жизни.

Мы причалили через какое-то время, я сразу рванул в гостиницу, скрылся в номере. Ладно ещё по дороге никто мне не встретился и не пристал со своими глупыми вопросами.

Все. Спать. Спать. Хотя...стопроцентова она мне приснится, как всегда. Етить, колотить. Опять со стояком надо будет что-то делать.

Проснулся разбитый, всю ночь не спал.

Думал. О себе. О ней. О том, какой я распиздяй. Да ещё и внутренний голос немало помог отправить моё внутреннее состояние в ебень, разъяснив мне политику партии, что я - полное говно.

Ладно. Не стану спорить. Согласен.

А теперь... Хватит нюни распускать. Я все равно её добуюсь. Пусть даже на это понадобится время...

Бля! Сука! Я аж кофе поперхнулся, когда вспомнил.

Падла, как я мог забыть?

Ведь если она примет предложение Османа, то у меня и времени-то не останется на решение моей проблемы. И тогда при всем желании не видать мне Юльки, как своих ушей.

Интересно, а они пойдут сегодня на вечеринку?

Нет. Не пойду туда. Сердце болит, глядя на нее.

Лучше прогуляюсь к морю. Подумаю. И, что удивительно, даже бухло не буду брать с собой. Сегодня мне нужна светлая голова.

Чтобы подумать.

Чтобы все решить.

Чтобы, наконец, сделать все для того, чтобы быть счастливым.

А счастливым я смогу быть только с ней.

Да, я - еблан.

Да, я - тварь.

Но я - взрослый мужик. А она - женщина, которая мне нужна.

Нужна, чтобы дышать, чтобы нормально жить, чтобы засыпать с ней в одной постели и просыпаться счастливым от мысли, что эта женщина - моя.

Я ведь не понимал все эти три года, что нормально-то я и не жил, а просто существовал, как чмо последнее.

Без её тепла, без улыбки, без ласковой и тёплой её ладошки, что я сжимал в своей руке, боясь отпустить, потому что мне казалось, что стоит разжать пальцы, как она упорхнёт, как нечто неуловимое, эфемерное и воздушное.

Люблю ли я её?

Да, люблю. Я понял это так давно, что привык к этой мысли, как к некоему аксессуару. И когда пришло время испы-

тания, я его не выдержал. Провалил экзамен, как самый последний двоечник.

Я был слишком самоуверен? В точку!

Забыл о том, что могу разбить её нежную, трепетную любовь ко мне, будто хрусталик, что она вручила мне для сбережения, сохранения в моем большом мужском сердце. Именно так.

А я...

Что сделал я?

Наступил кирзовым сапогом на её чистое сердечко. Это так я отблагодарил ее за любовь?

Она доверилась мне, поверила, что я - именно тот мужчина, который достоин её любви.

И только поэтому она тогда ко мне пришла. Ведь ни на какие соблазнения и совращения не повелась. Сама решила быть со мной, потому что полюбила меня.

А я... Тварь, какая же я ревнивая, сука, тварь! Все испортил.

Смотрел на морской горизонт, вдыхал солёный воздух, замечая все более и более сгущающуюся черноту неба с яркими мерцающими вкраплениями звёздных пульсар.

Блин, я реально надеялся, что целительное дуновение морского ветра сможет залечить дыру в сердце. Поэтому подышал правильно, как учила тренерша по китайской гимнастике Цигун. Все наставления её помню. Реально, кстати, успокаивает нервы. Мне как раз эта хуйня сейчас не поме-

шает.

Подышал, а потом разулся, побродил, завернул штанины и постоял близко к воде, наблюдая, как волны накатывают на ноги, захлестывая по самые колени.

Смотрел и думал, думал, думал.

Чуть не ошалел, когда...

Бля, у меня что, уже галлюцинации, что ли? Слуховые и зрительные?

Рядом стоит Юля и что-то мне говорит. А я пялюсь на неё и ничерташеньки не слышу. Морок, бля!

А потом все же разобрал, что она открывает рот не просто так..

- Егор Андреевич. Мне сказали, что Вы здесь.

Она стояла и смотрела на меня. Выжидательно, терпеливо. Ни тени удивления во взгляде, ни сомнения, ни страха. На фоне морских волн она вообще показалась мне русалкой, что вышла из морской пены. Такая вся гладенькая, нежная, красивая. Охренеть! И она - не фантом! Реальная, живая.

Ну, скажи что-нибудь, не будь дебилом, не стой фонарным столбом.

- Э-э-э, да. Я здесь.

Она постояла, помолчала, тоже повернулась в сторону моря, засмотревшись на морской горизонт.

А потом...не глядя на меня, продолжила:

- Больно?

- Где? У кого?

- Осман ударил больно?

- А, да нет. Нормально. Юля...

Я так ошалел, не ожидая здесь ее увидеть, что рванул было к ней, хотел подойти, но она остановила меня, протянув в мою сторону ладошку:

- Нет. Егор Андреевич, будет лучше, если Вы останетесь там, где стоите.

- Хм, ты меня боишься?

Она взглянула на меня, взмахнув ресницами, и снова напроць снесла мне башку.

- Нет. Я пришла, чтобы решить с Вами проблему. Раз и навсегда.

Она кивнула на берег, простирающийся далеко до скал.

- Можем, в принципе, пройтись, чтобы не стоять столбняком. Пойдёмте, Егор Андреевич. Разговор, полагаю, будет долгий. Хотя... Надеюсь, Вы меня поймёте и не станете чинить препятствий.

Мы действительно двинулись потихоньку вдоль берега. В другой ситуации показалось бы, что парочка влюблённых прогуливается и дышит воздухом. Но сейчас... Она была так серьезна, можно сказать, сурова. И самое хреновое что я не знал, чего от неё ждать. Хотя, наверняка, именно от её слов у меня засосало под ложечкой и захолонуло где-то в районе сердца, где живёт душа.

- Ох, звучит крайне не обнадеживающе. Для меня, по крайней мере.

- Я решила выяснить с Вами все до конца, чтобы Вы не планировали какие-то меры в отношении меня и не питали надежд. Что ж... Чего Вы от меня хотите? Скажите прямо.

- Юленька, а можно на «ты»? А то я чувствую себя, как на допросе на Лубянке.

- Нет, Вы для меня - начальник. Субординацию никто не отменял.

- Но ведь я не только твой начальник.

- Только. Егор Андреевич, с некоторых пор Вы для меня только лишь начальник. Так чего Вы хотите?

Я остановился. Вдруг зануло, завибрировало сердце, в треморе забилося тело, в башке огненными сполохами разлилась лава.

Бля, как трудно, оказывается, выразить словами своё желание, особенно когда она смотрит своими лазоревыми прекрасными глазюками мне в лицо. Особенно яркими сейчас, на фоне моря. Трудно, потому что боюсь, что она рассмеётся, услышав мои хотелки, и пошлёт куда подальше.

- Я...хочу быть с тобой.

- Вы хотите, чтобы я заменила Вам Наташу, по которой скорбите? Или которая выбрала не Вас, а Чарльза? А Вы остались у разбитого корыта, точно старуха в сказке Пушкина? Я права?

- Нет, ты не права.

- Тогда что?

- Просто хочу быть с тобой.

- Хм. Хорошо. Я Вам говорю «нет». Что дальше? Вы оставите свои бесплодные попытки получить меня любой ценой?
- Нет. Я постараюсь, чтобы ты поняла.
- Что поняла?
- Что ты нужна мне.
- Хорошо. А если Вы мне не нужны. Тогда что?
- Как...

Она смотрела мне прямо в глаза и была очень серьёзна, черт возьми! Ну почему она сейчас такая холодная и неприступная? Хотя, бля, какая же она должна быть после моих хуевров?

- Мы были вместе. Нам было хорошо. Мы любили друг друга.

- Ключевое слово «любили». Глагол прошедшего времени множественного числа. Любили, а потом перестали любить.

- Разве нельзя вспомнить о том, что было, и попытаться превратить слово в глагол настоящего времени?

- Для чего? Это что, очередная Ваша временная хотелка? Как, собственно, и получилось со мной. Сначала так называемая любовь, а потом развод и игрушки пополам. Не правда ли?

Она вдруг засмеялась.

- Ох, Вы знаете, вспомнила стишок.

Отдавай мои игрушки и не писай в мой горшок.

Ты ушёл к другой подружке.

Как ты мог, ну, как ты мог?

Мы снова будем вместе лишь до той поры, пока не появится очередная Наташа, и Вам снова захочется все переиграть. Снова наскучит быть со мной, и захочется чего-то новенького и свеженького с очередной женщиной.

- Ты считаешь, что я до такой степени испорчен?

Она улыбнулась. Лучезарно так, мило.

- Именно так. Спрашивается, зачем мне очередная проблема в жизни? Зачем связываться с подобным индивидом, любящим только себя?

- О-о-о! Да-а-а! Не фонтан мнение обо мне.

- Какое заслужили, господин Громов.

- Ох, ты права на самом деле. Но ты и не права.

Она снова засмеялась. Так заливисто, весело. Только горькое что-то прозвучало в этом её смехе. И мне это вовсе не показалось.

- Вы неисправимы, Егор Андреевич. Так вот, о чем, собственно, я? Ах, да. Мне надо с Вами определиться. Осман, видите ли, зовёт меня замуж. Я приму его предложение только в том случае, если Вы не оставите меня в покое. Я так поняла, Вы решили перевести меня на работу в Москву? Поближе к Вашему величеству? Для чего? Чтобы спланировать план-перехват и попытаться воплотить в жизнь очередную хотелку? Скажите мне честно.

- Ты хочешь выйти за Османа?

- Нет. Но если Вы не оставите попыток затащить меня куда-то там, типа, в постель, используя служебное положение,

то мне придётся принять его предложение, чтобы прекратить этот цирк.

- Нет. Не надо выходить за Османа. Я...тебе обещаю, что не стану ничего предпринимать в отношении тебя.

- Вам можно верить?

Я вздохнул. Помрачнел, точно гремучая грозовая туча.

- Можно. Мне можно верить.

- И Вы оставите меня в покое?

- Да.

- Что ж. Меня устраивает данное положение вещей. Прощайте, Егор Андреевич.

Она повернулась и пошла, удаляясь от меня быстрым шагом.

А я остался.

Бля, не выдержал конечно. Рванул за ней. Окрикнул. Догнал, дотянувшись до нее рукой.

- Юленька.

Обернулась, повела плечом, скинув мою руку.

- Чего Вам ещё?

- Почему?

- Что?

- Почему ты не хочешь, чтобы все вернулось, и мы снова...

- А тут все просто, Егор Андреевич. Я больше не хочу быть девочкой для битья.

Она отвернулась и пошла. Гордая и красивая.

А я остался. Одинокий еблан.

Что ж, девчонки. Открываю подписку. Дальше - ОХРЕ-
НИТЕЛЬНАЯ БИТВА - ЖАРА.

глава 12

Егор.

А вот это нихуяшечки себе!

Вечер, бля, перестаёт быть томным.

Юля выдвинула мне ультиматум, а я принял её требования. А теперь...

Знаю, что не откажусь от неё. Никогда.

Значит...

Все, что я ей обещал, - лажа.

Эта женщина будет моей. Все. Я сказал.

Решил пойти на вечеринку в стиле «Луау». Это как последний вечер в летнем пионерском лагере. Танцы до упаду, прощальный костёр и свидание с девочкой, которая нравилась тебе всю смену.

Спустился к бассейну, с удивлением выпятился на коллег, особенно девчонок, которые напялили на себя гавайские костюмы - юбки из верёвочек, совершенно не скрывающих мясистых, худых, полных, мускулистых, стройных и упругих женских ляжек, а еще - мягких, плоских, округлых, больших, маленьких и подтянутых девчулиных задниц. Бля, такое разнообразие ляжек и жоп на все вкусы и все случаи жизни. А самое главное, что все девчули накирялись

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.